

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОСТРОВОВ КУКА

К. В. МАЛАХОВСКИИ

ИСТОРИЯ ОСТРОВОВ КУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Малаховский К. В.

М 18 История островов Кука. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

72 с. с карт.

Книга посвящена истории и современному положению островов Кука, одного из архипелагов Океании. В ней исследуются быт и нравы коренного населения до прихода европейцев, изменения в укладе жизни островитян под влиянием христианских миссионеров, установление колониального господства Великобритании.

М $\frac{11105-141}{013(02)-78}$ 117-78

9(М)+32И+33И

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

**ДЖЕМС КУК
ОТКРЫВАЕТ АРХИПЕЛАГ**

I

Пожалуй, никто из мореплавателей не был так удачлив в открытиях новых земель, как Джеймс Кук. И никто из них не оставил потомкам столь подробного отчета о своей деятельности, «подробнейший в миллион слов дневник», по выражению одного из биографов Кука — Э. Маклина¹.

В дневнике, который Дж. Кук вел во время своего второго кругосветного плавания, 23 сентября 1773 г. он сделал такую запись: «Широта $19^{\circ}18'$. Долгота счислимая $157^{\circ}58'W$, от Ульетеа (современное название — Раиатеа — один из островов Общества. — К. М.) $5^{\circ}40'W$. Свежий пассат с ливнями. В 10 часов утра заметили с марса² землю, в полдень она была видна с палубы... Пошли к ней, чтобы ближе ее осмотреть». На следующий день Дж. Кук записал: «В 2 часа п. п. прошли мимо упомянутой земли на расстоянии лиги³ и убедились, что это три небольших острова, соединенных рифами, которые их опоясывают, и в окружности, вероятно, достигают около 18 миль. Острова эти низкие, покрыты лесом, в котором особенно выделяются кокосовые пальмы. Мы не видели ни людей, ни признаков их присутствия... Не имея времени предпринять высадку, хотя таковая казалась возможной на северо-западном берегу, мы возобновили наш курс на W»⁴. Открытую им землю Кук назвал островом Херви, в честь его друга капитана Херви, одного из лордов Адмиралтейства.

В июне следующего, 1774 г. Дж. Кук обнаружил еще один остров. Вот запись в его дневнике: «Четверг, 16 июня... Легкие ветры и ясная погода. В 7 часов увидели с марса землю... и пошли к ней. В полдень убедились, что это небольшой рифовый остров или, скорее, несколько островков, соединенных песчаными отмелями и бурунами... Пятница, 17 июня... прошли вдоль запад-

ного и северо-западного берегов острова, так близко от них, что видели под кораблем подводные камни. Не заметили никаких признаков жизни, исключая птиц, которых тут было множество, и самых различных, и, видимо, у берегов много рыбы. Пройдя от южной до северной оконечности, а расстояние это 2 лиги, и не встретив ни якорного места, ни удобного места для высадки, мы в 4 часа снова взяли курс на W. Остров я назвал Палмерстон... в честь лорда Палмерстона, одного из лордов Адмиралтейства»⁵.

Во время своего третьего кругосветного плавания Дж. Кук в марте 1777 г. открыл несколько островов в южной части архипелага и назвал их Мангана, Атиу и Такутеа (впоследствии они получили его имя), а в апреле посетил открытые им ранее Херви и Палмерстон. На этот раз Кук более тщательно обследовал эти острова и составил подробное их описание.

30 марта 1777 г. Кук высадился на острове Мангана и встретился с его обитателями. «Остров... довольно высок и относительно ровен, — пишет Кук, — те части берега, которые мы осмотрели, защищены коралловыми рифами, за которыми глубины в море не поддаются измерению. По-видимому, остров богат зеленью, там есть и хлебные деревья, и кокосовые пальмы... растут корень таро и банановые деревья, но ямса нет. Нет также свиней и собак. То, что произрастает на острове, имеется в изобилии, по крайней мере так можно судить по тому, что его жители многочисленны и изрядно упитанны. Люди на острове рослые, энергичные и отлично сложены. По поведению, а также по языку они больше похожи на новозеландцев, чем на таитян, а цвет кожи у них средний между цветом кожи обитателей Новой Зеландии и жителей Таити. Руки от плеча до локтя у них татуированы, а в ушных мочках широкие отверстия, как у туземцев острова Пасхи. Единственное украшение, которое я заметил на них, — это ожерелье или ошейник из человеческих волос. Волосы у них черные и у большинства связаны в узел на темени. Некоторые носят тюрбан, или повязку из цветной ткани наподобие шарфа. Концы повязки перекидываются на шею и скрещиваются на груди, а затем доходят до бедер и охватывают талию, как пояс. Но остальная часть обнажена. Помимо повязки островитяне носят лишь маро — так называют этот вид одежды таитяне. Мы виде-

Британцы очень встревожились, когда островитяне стали разводиться огонь. Они боялись, что их «зажарят и съедят», и даже спросили об этом хозяев. «Такой вопрос, — пишет Кук, — чрезвычайно удивил островитян, и они поинтересовались, свойствен ли нам такой обычай»⁷.

Подойдя 6 апреля 1777 г. к острову Херви, Кук неожиданно для себя нашел его обитаемым. «При первом посещении, — пишет он, — мы не обнаружили никаких признаков такого рода». Несколько каноэплыли прямо к кораблю. «Туземцы, — продолжает Кук, — остановились на расстоянии брошенного камня от корабля... ничто не могло побудить их подняться на борт. На маленькие гвозди они меняли мелкую рыбу (ее было у них немного), и это навело нас на мысль, что цена железа им известна... Эти люди говорили на таитянском языке лучше, чем обитатели обоих недавно открытых островов, и единственная их отличительная черта состояла в том, что на теле у них не было татуировки. На них не было ничего, кроме маро — куска материи, обернутого вокруг бедер, но в каноэ были замечены люди, которые украшали себя головным убором из красных перьев»⁸.

Дж. Кука, как и других мореплавателей-европейцев, посещавших Тихоокеанские острова, не могло не заинтересовать, как произошло заселение этих маленьких клочков земли, затерянных в гигантских просторах величайшего из океанов планеты. В этом смысле любопытно указать на запись в дневнике Дж. Кука от 3 апреля 1777 г., сделанную во время посещения острова Атиу: «На этом острове Омаи (таитянин, сопровождавший Кука в третьем плавании. — К. М.) встретил четырех своих земляков. Около десяти лет назад они отправились в путь с Таити на остров Ульетеа (Раиатеа), но пропустили этот остров и, проблуждав долгое время в море, приблизились к этой земле. В их каноэ было 20 человек — мужчин и женщин, но лишь пятеро перенесли тяготы, которым эти люди подверглись в пути: ведь в течение многих дней у них не было ни пищи, ни воды. В последние дни плавания каноэ перевернулось, и эти пять человек до тех пор цеплялись за его днище, пока провидение не послало им этот остров, жители которого направили за ними каноэ и доставили их на берег, где обращались с ними очень заботливо. Ныне они были так

довольны своим положением, что отвергли призыв Оман вернуться с нашими кораблями на родной остров. Это вполне соответствует тем обстоятельствам, при которых должны были первоначально заселяться обитаемые острова в этом море, и особенно те из них, что лежат на большом удалении от любого из материков и друг от друга»⁹.

Многие поколения ученых трудились над разрешением загадки первоначального заселения Океании. Она не разгадана и поныне, хотя современная наука уже много сделала в этом направлении. В частности, с помощью радиоуглеродного анализа установлено, что первоначальное заселение полинезийцами Южной группы островов Кука произошло более 1500 лет назад.

Дж. Кук был не первым европейским мореплавателем, увидавшим острова, посвящие теперь его имя. В 1595 г. один из островов этого архипелага — Пукапука — видел испанский капитан Менданья, а в 1606 г. П. Кирос, соратник Менданьи в его плаваниях по Тихому океану, открыл другой остров — Ракахангу.

После Кука европейцы посетили эти острова только через 12 лет. 11 апреля 1789 г. к острову Аитуитики подошел британский корабль «Баунти», капитаном которого был опытный моряк У. Блай. 17 дней спустя взбунтовавшаяся команда корабля решила вернуться на Таити, и на обратном пути британские моряки наткнулись на неизвестный доселе остров — Раротонгу, находящийся в 140 милях к северу от Аитуитики. В местных преданиях сохранился рассказ о посещении корабля островитянами. Вероятно, именно тогда они взяли у моряков апельсиновые семечки. Европейцы, позднее посещавшие Раротонгу, с удивлением обнаруживали там апельсиновые деревья.

Капитан У. Блай еще раз подошел к Аитуитики в 1792 г. Этот визит был весьма коротким: корабль находился у берегов острова лишь два дня — 25 и 26 июля...

Незадолго до Блая, в середине мая 1791 г., Раротонгу посетил другой британский капитан, Эдвардс, на корабле «Пандора».

В 1814 г. к Раротонге подходили два британских судна: в мае — «Серингапатам», а в августе — «Кумберленд» под командованием капитана Гуденафа. Покидая

остров, Гуденаф захватил с собой нескольких его обитателей.

В том же году русский мореплаватель М. П. Лазарев открыл новый остров, которому он дал имя Суворова. Следует отметить, что открытые в разное время острова этого архипелага впервые объединил под названием островов Кука замечательный русский моряк и ученый И. Ф. Крузенштерн.

В начале XIX в. к островам Кука время от времени подходили европейские торговые суда. Однако их эпизодические посещения архипелага никак не влияли на жизнь островитян. «Освоение» островов Кука европейцами началось позднее, в 20-х годах XIX в., и было связано с новым для народов Тихоокеанских островов явлением — обращением в христианство.

Но, прежде чем продолжить повествование, познакомим читателя с местом действия описываемых нами событий, расскажем, хотя бы кратко, что представляют собой с физико-географической точки зрения острова Кука.

Архипелаг Кука, расположенный между $8^{\circ}23'$ южной широты и $156^{\circ}167'$ восточной долготы, состоит из 15 островов общей площадью 241 кв. км. Острова по своему географическому положению разделены на две группы, Северную и Южную, и находятся друг от друга на большом расстоянии.

Северную группу составляют семь островов кораллового происхождения — типичные тихоокеанские атоллы. Как правило, они имеют ровную поверхность, поднимающуюся над уровнем океана всего на 1,5—2 м.

Самый северный и самый большой из них — остров Пенрин. Его площадь — около 10 кв. км. Остров окружен грядой коралловых рифов, протянувшейся почти на 70 км. В ней имеются три прохода, но подойти к острову даже небольшим судам можно только через один — западный, глубина которого 7, а ширина около 40 м.

К Северной группе относятся также острова Манихики (площадь 5,4 кв. км.), Пукапука (5 кв. км.), Ракаханга (около 4 кв. км), Нассау (1,2 кв. км), Палмерстон, состоящий из восьми маленьких островов общей площадью 2 кв. км, и Суворов (0,4 кв. км). Два последних острова были необитаемы. На острове Суворова и поныне никто не живет. На Палмерстоне поселенцы появились в 1862 г. Англичанин Уильям Марстерс переехал сюда с Пенрина

вместе с тремя женами-островитячками. Его потомки и составляют современное население острова, удивляя попадающих на него европейцев английским языком XVIII в., странно звучащим в наше время.

В Южную группу входят восемь островов, преимущественно вулканического происхождения. Все они окружены коралловыми рифами. Самый крупный из них — остров Раротонга. Его площадь — 66,4 кв. км. Это самый красивый из островов юго-западной части Тихого океана. Остров горист, а склоны гор до самых вершин покрывает пышная тропическая растительность. Самые высокие горы, Те Монга — 700 м над уровнем моря и Те Атукура — 600 м, представляют собой как бы зубчатый шпиль острова. С гор к океану стекают многочисленные ручьи и небольшие речки. В долинах и между горами и берегом растут кокосовые пальмы. Остров окружен почти сплошным кольцом коралловых рифов. Удобная гавань есть только в Аварау, нынешней столице островов Кука. В Южную группу входят еще острова Мангаиа (площадь 51,2 кв. км), Атиу (26,6 кв. км), Мауке (18,6 кв. км), Анутаки (17,8 кв. км), Митнаро (22 кв. км), Херви (М-Ануае), состоящий из двух маленьких островов общей площадью 6,1 кв. км, и Такутеа, не имеющий в наши дни постоянного населения, площадью 1,2 кв. км.

Население островов Кука — полинезийцы. Общая их численность до прихода европейцев неизвестна. Вероятно, их было не менее 15 тыс. Половина из них жила на Раротонге.

II

Христианские миссионеры пришли на острова Кука с Таити — первоначального центра миссионерской деятельности в Тихом океане. Для того чтобы стали понятнее события, развернувшиеся на Соломоновых островах с 20-х годов XIX в., остановимся коротко на миссионерской деятельности в Океании конца XVIII — начала XIX в.

Раньше всех в Океании ею занялись англичане. Осуществлялась эта деятельность тремя английскими протестантскими организациями: Лондонским миссионерским обществом (образовано в 1795 г.), Миссионерским обществом англиканской церкви (1799 г.) и Методистским обществом (1817 г.).

Первые миссионеры, посланные Лондонским миссионерским обществом, прибыли в Океанию в 1797 г., высадившись с корабля «Дафф» на Таити. Вопрос о месте высадки был предметом серьезного обсуждения в Лондонском миссионерском обществе. Руководители общества вначале отдавали предпочтение Гавайям. «Сандвичевы острова (бывшее название Гавайских островов. — К. М.), — писал один из основателей общества, Томас Хавейс, — в десять раз крупнее Таити и более населенные»¹⁰. Но окончательный выбор все-таки пал на Таити. Вероятно, на это решение повлияла весьма хвалебная характеристика, которую единодушно давали таитянам первые европейские мореплаватели, побывавшие на острове, в том числе Дж. Кук и французский капитан Бугенвиль, а к Гавайям, к месту гибели Кука, относились настороженно. Создание миссионерского центра на Таити ознаменовало начало двадцатилетнего господства английской церкви в Океании.

Внешне казалось, что миссионеры действовали на свой страх и риск, движимые лишь высоким христианским чувством любви к ближнему. И в самом деле, английское правительство не оказывало миссионерским обществам финансовой поддержки, не предоставляло кораблей для их перевозки в Океанию, не обеспечивало им безопасности на островах. Казалось также, что миссионеры были далеки от каких-либо коммерческих интересов в Океании.

Но в действительности между деятельностью миссионеров и государственными коммерческими интересами их страны в Океании существовала постоянная и глубокая связь. Это не скрывают и сами миссионеры. Так, Томас Хайвес — «отец миссионеров в Полинезии» и Джон Вильямс — «пионер миссионерской деятельности» часто говорили о «национальной выгоде», полученной в результате работы миссионеров. В качестве примеров указывалось на помощь в географическом изучении островов, в создании морских баз, развитии торговли и т. д.¹¹.

На тесную связь английских деловых кругов и миссионерских обществ указывает и сам состав миссионеров. Например, из тридцати миссионеров, прибывших на Таити, лишь четверо имели духовный сан. Руководители миссионерских организаций поощряли занятия миссионеров практическими делами. Этому способствовали не-

достаточные средства, которые они получали. В результате даже малочисленные специально обученные проповедники Евангелия были вынуждены превращаться на большую часть недели в спекулянтов землей и торговцев¹².

Да и сами проповедники «слова божьего» были крайне плохо подготовлены к деятельности на островах. Они в сущности не имели понятия о том народе, среди которого приходилось жить и работать. Они были лишь твердо уверены, что перед ними дикари и идолопоклонники, которых необходимо как можно быстрее обратить на «путь истинный»; история островитян и их довольно сложный духовный мир не интересовали миссионеров. Поэтому они бесцеремонно и грубо вторгались в самые интимные стороны жизни островитян, разрушая их веками сложившийся уклад жизни.

В этой связи следует остановиться на впечатлениях, полученных О. Е. Коцебу от посещения им Таити спустя тридцать лет после начала миссионерской деятельности англичан на острове. Эти впечатления необычайно интересны. Однако надо учесть, что они написаны человеком, принадлежавшим к богатой и знатной дворянской семье, ревностным христианином и монархистом.

«После многих бесплодных попыток, которые предпринимались начиная с 1797 г., — отмечает Коцебу в своих записках, — английским миссионерам удалось, наконец, распространить среди таитян то, что они называют христианством, и даже обратить в свою веру самого короля Тайо, спокойно и мирно управлявшего обоими полуостровами... Новая религия была введена силой... Все то, что могло напомнить о дотоле почитавшихся божествах, было внезапно разрушено по приказу короля. Были убиты все те, кто не хотел сразу переходить в новую веру... Пролитись потоки крови, целые племена были истреблены... Король Тайо, не удовлетворившись тем, что все его подданные, оставшиеся в живых, сделались последователями новой религии, решил прибегнуть к завоеваниям, чтобы ввести ее силой и на других островах Общества»¹³.

Началась длительная и кровопролитная междоусобная война, закончившаяся победой Помаре, короля маленького острова Табуа. Однако миссионеры и его обратили в христианство. Король Помаре вскоре умер от

чрезмерного употребления спиртных напитков, которыми его «любезно» снабжали новые единоверцы.

Воспользовавшись малолетством его сына — короля Помаре II, — миссионеры убедили таитян принять конституцию, которая, как справедливо считает Коцебу, «специально рассчитана на то, чтобы сделать еще более тесными оковы, наложенные миссионерами на этот добродушный народ; она должна помочь им полностью сохранить свою власть над островитянами»¹⁴.

В результате проводимой миссионерами политики большинство населения Таити было истреблено. Если к приходу европейцев (по свидетельству последних) на острове обитало 130 тыс. человек, то в 20-х годах XIX в. — лишь 8 тыс. «Нет никаких сведений о том, — пишет Коцебу, — что на Таити свирепствовала оспа или чума. Значит, главной причиной убыли населения явилось кровавое насаждение миссионерской религии, которое сыграло здесь роль самой опустошительной эпидемии»¹⁵.

Оставшиеся в живых таитяне производили впечатление подавленных, апатичных людей, лишенных энергии и жизненных сил. «Морские суда, — пишет Коцебу, — возбуждавшие удивление у европейцев, исчезли... Сырье, которое дают овцы и прекрасно растущий здесь хлопчатник, не используется, ибо на Таити не возвращается ни одна прялка и ни один ткацкий станок не вырабатывает материю для одежды. Последнюю островитяне предпочитают приобретать у чужеземцев, расплачиваясь жемчужинами, а также тратя на нее все свои деньги... На Таити завезли также лошадей и крупный рогатый скот. Однако островитяне не желают с ними возиться, вследствие чего все эти животные перешли во владение поселившихся здесь иностранцев... Только королева имела пару лошадей, да и то ими не пользовалась.

На всем Таити еще никогда не работала ни одна кузница. Между тем в ней ощущалась огромная потребность, ибо нужно было хотя бы ремонтировать те железные орудия, которые давно уже вытеснили каменные... Ввиду строгого запрета миссионеров на Таити давно уже не слышно флейты, призывавшей к радости и веселью... Для народа, которому природа, казалось, предуготовила беззаботное наслаждение жизнью, всякое удовольствие стало теперь наказуемым грехом»¹⁶.

Пытаясь оспорить эту резкую критику деятельности миссионеров на Таити, английский ученый У. Моррелл указывает на то, что миссионеры «положили конец межплеменным войнам и человеческим жертвоприношениям, остановили детоубийство и, конечно же, насаждали мораль»¹⁷.

Как бы предвидя эту будущую критику, О. Коцебу пишет, что «фальшивое христианство миссионеров... уничтожив нелепое идолопоклонство и языческие суеверия... заменило их новыми заблуждениями. Оно в значительной мере искоренило такие пороки, как воровство и распутство, но зато насадило ханжество и лицемерие, а также ненависть и признание ко всем инаковерующим — черты, которые прежде были совершенно чужды прямодушным и доброжелательным таитянам. Миссионерская религия прекратила человеческие жертвоприношения, но на самом деле ей в жертву принесено гораздо больше человеческих жизней, чем когда-либо приносилось языческим богам»¹⁸.

Британские миссионеры недолго были единственными проповедниками «слова божьего» в Океании. Вскоре появились на островах их «коллеги» из США и Франции, вступившие в жестокую, отнюдь не отличавшуюся проповедуемой христианскими миссионерами добротой и милосердием, борьбу.

Французские католики пытались закрепиться и на тех островах Океании, которые уже были «освоены» протестантами. В ноябре 1836 г. два католических священника прибыли на Таити. У них оказалось письмо от французского епископа Океании к бельгийскому купцу Моренхуту, незадолго до этого назначенному консулом США на Таити. В практике США в то время агентами и консулами на Тихоокеанских островах, случалось, назначали лиц, не имевших американского гражданства, которые отнюдь не всегда строго соблюдали интересы представляемого ими правительства.

Моренхут оказывал прибывшим католикам всяческое покровительство, и только это спасло их от немедленной высылки с острова. Но влияние Моренхута хватило ненадолго. Под нажимом английского консула таитяне заставили католических священников немедленно покинуть остров.

Французский епископ на Гамбье заявил по этому по-

воду решительный протест британскому генеральному консулу в Чили. Последний сообщил об этом министерству иностранных дел Великобритании и получил ответ для передачи французскому епископу. В нем говорилось, что «существует много островов в Тихом океане и Южных морях, жители которых все еще не знают христианского учения, и не будет ничего лучшего и более полезного, если французские миссионеры попытаются распространить свет Евангелия среди этого населения, вместо того, чтобы прибегать к конкурентной борьбе с протестантскими миссиями на тех островах, где христианство уже достигло большого прогресса»¹⁹.

В то же время Моренхут, продолжая весьма активно действовать в пользу французов, послал два письма французскому поверенному в делах в Чили, в которых призывал правительство Франции принять энергичные меры для поднятия своего престижа в Океании. Если же оно оставит безнаказанным преследования своих миссионеров, то, по его мнению, жизни и имуществу всех французских подданных на Тихоокеанских островах будет угрожать серьезная опасность. (За свою преданность французским интересам Моренхут вскоре был снят с поста американского консула на Таити.)

Тем временем французское министерство иностранных дел, получив письма Моренхута и известия о гонениях католиков на Гавайских островах, решило провести демонстрацию силы на Таити и Гавайях.

28 августа 1838 г. французский военный корабль «Венера» вошел в порт Попеэте. Его командир Дюпти-Туар после совещания с Моренхутом послал королеве Таити ультиматум, в котором потребовал в течение 24 часов принести письменные извинения за преследования французов, отдать почетный салют французскому флагу и уплатить 2 тыс. пиастров в возмещение понесенного французскими миссионерами ущерба. В противном случае французский адмирал угрожал применить силу.

Все выдвинутые французами требования были приняты таитянами. Более того, 4 сентября королева Таити подписала конвенцию, предоставившую Франции самые привилегированные права и разрешавшую французам селиться на острове. Временным французским консулом был назначен Моренхут.

Для закрепления первого успеха на Таити француз-

ское правительство на следующий, 1839 год посылает туда фрегат «Артемиз». Его капитан Лаплас в течение июня вел с королевой и вождями переговоры, главным образом касавшиеся отмены запрета католической деятельности на острове. В результате переговоров 20 июня в конвенцию от 4 сентября 1838 г. была внесена дополнительная статья, разрешавшая католической церкви свободу действий во всех владениях таитянской королевы и предоставлявшая католическим миссионерам те же привилегии, что и протестантам. Было получено также согласие на уступку земельных участков под поселения католических миссий.

Французские католики не ограничивались деятельностью на Гавайях и Таити. Их миссии высаживались на Тонга, Соломоновых и других островах, конкурируя с протестантами, пустившими там глубокие корни. Лишь в Новой Каледонии французские католики были первыми христианскими проповедниками.

Действия французских миссионеров на Тихоокеанских островах были не менее пагубными для островитян, чем описанная выше работа их протестантских конкурентов. Приведем лишь один пример.

16 июля 1834 г. на остров Мангарева (архипелаг Гамбье) прибыла первая группа миссионеров во главе с Луи Лавалем. В то время на острове жило около 5 тыс. человек. В результате жестокой эксплуатации миссионерами к началу 70-х годов численность населения упала до 1270 человек. Когда Лавала спросили, правда ли, что происходит вымирание населения острова, он цинично ответил: «Это правда, люди умирают, но они таким образом быстрее попадают на небеса»²⁰.

Сделавшись французским консулом на Таити, упоминавшийся уже нами Моренхут начал усиленно готовить почву для захвата Францией и этого острова. В 1841 г. он воспользовался временным отсутствием на острове королевы Помаре и подготовил четырех таитянских вождей подписать обращение к французскому правительству с просьбой об установлении над Таити протектората. Это насторожило английского консула на Таити. Он поспешил в Лондон. Но правительство Англии продолжало занимать осторожную позицию. В ответ на тревожное сообщение тогдашний английский министр иностранных дел заявил: «Мы посмотрим, что можно сделать»²¹.

30 августа французские корабли под командованием Дюпти-Туара приблизились к Таити. 8 сентября после совещаний с Моренхутом и местными французскими купцами Дюпти-Туар предъявил королеве острова Таити ультиматум с требованием в течение 48 часов уплатить 10 тыс. пиастров. В противном случае он угрожал немедленно оккупировать остров²².

Ночью в помещении французского консульства шло совещание четырех местных вождей. Нетрудно предугадать, что окончательное решение было принято в пользу французов. Утром 9 сентября по совету вождей королева Помаре обратилась к представителю Франции адмиралу Дюпти-Туару с просьбой об установлении над страной протектората²³.

Дюпти-Туар немедленно «согласился»²⁴. Над островом тут же взвился флаг протектората и прогремел салют из одиннадцати залпов. Дюпти-Туар назначил временный совет при королеве, куда вошли Моренхут и два офицера экипажа, один из которых одновременно исполнял обязанности военного губернатора острова, а другой — коменданта порта. Считая положение французов на острове достаточно прочным, Дюпти-Туар покинул Таити.

20 марта 1843 г. французская газета «Монитор» сообщила, что король Луи-Филипп одобрил установление протектората.

Действия французов на Таити не вызвали беспокойства у США. Более того, американский консул на Таити, находившийся в неважных отношениях с местным правительством, способствовал быстрому признанию Соединенными Штатами установленного над островом французского протектората.

Отношение же англичан к происшедшим событиям было совсем иным. Они давно и прочно обосновались на Таити, и действия французского адмирала вызвали их резкий протест. Командиры английских военных кораблей Т. Томпсон и Т. Николас отказались признать французский протекторат и объявили, что все британские подданные на острове могут считать себя свободными от какого-либо подчинения французским властям. Вернувшийся на Таити английский консул поддержал антифранцузские настроения на острове. Тогда руководство Лондонского миссионерского общества стало настойчиво

требовать активного вмешательства британского правительства.

Английский министр иностранных дел заявил протест французскому послу в Лондоне и поручил британскому послу в Париже довести до сведения Гизо, что английское правительство крайне недоволено действиями Франции на Таити. Гизо ответил, что Франция установила свой протекторат над островом по просьбе таитянской королевы.

Между тем английскому консулу удалось настроить королеву Помаре против французов. В результате, когда Дюпти-Туар 1 ноября 1843 г. вернулся на Таити, он увидел вместо флага протектората развевающийся над островом флаг королевы Помаре. Французский адмирал потребовал спустить флаг, но получил отказ. Тогда Дюпти-Туар высадил на остров пятьсот солдат. Был спущен флаг, свергнута с трона королева и аннексирован остров.

Королева Помаре обратилась за помощью к британской королеве и французскому королю. Французское правительство осталось непоколебимым. 28 февраля 1844 г. газета «Монитор» сообщила, что Луи-Филипп подтверждает условия договора о протекторате над Таити. Английское же правительство и на этот раз не проявило решительных действий.

Видя, что помощи не дожدهшься, королева Помаре призвала свой народ к восстанию против французов.

В ответ на это французский губернатор острова арестовал преданных королеве вождей. Сама Помаре, спасаясь от ареста, укрылась на английском военном корабле. Французские власти, воспользовавшись случаем нападения на одного из французских моряков, объявили на острове осадное положение. Английского консула, вдохновителя антифранцузских выступлений, арестовали, посадили на французский фрегат и отправили в Европу. В июле 1844 г. он был доставлен в Лондон.

К концу лета 1844 г. затянувшийся англо-французский конфликт из-за Таити был урегулирован.

Французское правительство, добившись своего, с легким сердцем принесло извинения за чрезмерно грубые действия своих представителей на Таити в отношении английского консула и подданных британской королевы и предложило возместить причиненные убытки²⁵. Англий-

ское правительство, с самого начала конфликта не желавшее его обострения, приняло французские условия²⁶.

12 сентября 1844 г. английский посол в Париже сообщил в Лондон об окончательном урегулировании инцидента на Таити²⁷.

Пример Таити убедительно показывает, что миссионерская деятельность явилась весьма важным инструментом, подготовившим почву не только для осуществления коммерческих операций, но и для прямых территориальных захватов западных держав на Тихом океане.

Этого не скрывают и буржуазные ученые. Один из крупнейших американских специалистов по истории Океании, К. Граттан, назвал французских миссионеров «авангардом французского империализма»²⁸.

История миссионерской деятельности свидетельствует о том, что эта характеристика может быть с полным основанием применена к миссионерским организациям всех других государств.

26 октября 1821 г. на остров Аитунтаки прибыл с Таити корабль, на котором находились английский миссионер Джон Уильямс и два миссионера-таитянина. На борт судна был приглашен местный вождь Таматоа. После переговоров с Дж. Уильямсом он согласился открыть на острове христианскую миссию и позволил таитянам обосноваться здесь. Оставив двух миссионеров на острове, Дж. Уильямс вернулся на Таити.

Через два года, в июле 1823 г., Дж. Уильямс вернулся на Аитунтаки, чтобы проверить результаты деятельности миссионеров-таитян. Он остался доволен. Население острова, насчитывавшее 2 тыс. человек, было обращено в христианство, построена большая церковь, изображения местных богов — сожжены. «Христианство стало всеобщим настолько, — писал Дж. Уильямс, — что не сохранилось ни одного изображения идолов»²⁹.

Один из миссионеров-таитян, Папсйха, рассказал Дж. Уильямсу, как была осуществлена «христианизация» аборигенов острова. Миссионеры начали с дискредитации местных богов, продемонстрировав «их бессилие». В это же время заболела любимая дочь вождя острова Таматоа. Хотя огорченный отец и приносил своим богам многочисленные дары, дочь его умерла. Тогда он приказал сыну сжечь изображения всех богов.

Миссионеры прибегали и к подкупу. Когда спустя три месяца после начала их работы к острову подошел миссионерский корабль, капитан подарил местным вождям коз, свиней, а также железные топоры. «Это произвело очень сильное впечатление и пошло на пользу христианству», — рассказывал Папейха Дж. Уильямсу³⁰.

Через несколько дней Дж. Уильямс покинул Аитуитак и направился к Паротонге. С собой он взял обоих миссионеров и четырех женщин, ранее увезенных с Паротонги капитаном Гуденафом. Эти женщины бежали с корабля и оказались на Аитуитаки, где таитянские миссионеры обратили их в христианство. Среди беженок находилась Тапаиру, близкая родственница Макеа — верховного вождя Паротонги.

Миссионеры использовали на Паротонге те же методы для распространения христианства, что и на Аитуитаки. Они рассказали островитянам, что жители Аитуитаки, уничтожив своих богов, не понесли никакой кары. Для наглядности Папейха сложил костер из деревянных изображений местных богов, зажег его, поджарил на нем бананы и съел. Согласно верованиям островитян, Папейха должен был немедленно умереть, и когда этого не произошло, вера их серьезно поколебалась.

Успех сопутствовал миссионерам и на Паротонге. К 1827 г. они, казалось, приобщили островитян к христианству. Построенная в 1825 г. церковь по воскресеньям была полна. Организованные миссионерами воскресные школы регулярно посещались детьми аборигенов. Прибывший в 1827 г. на остров Дж. Уильямс, констатировав успешное распространение христианства, решил пойти дальше: ввести на Паротонге британские правовые нормы. В начале ноября 1827 г. Уильямс выступил перед вождями острова со своим предложением. Составленный им кодекс законов был, как он писал позднее, «единогласно одобрен вождями и народом и принят за основу управления островами Паротонга»³¹.

Дальнейшие события, однако, показали, что успех миссионерства как на Паротонге, так и на Аитуитаки был чисто внешним и временным.

Прибывшие на Паротонгу британские миссионеры Чарльз Питмен (1827 г.) и Аарон Бьюзакотт (1828 г.) в своих письмах в Англию свидетельствовали о все растущем сопротивлении островитян новой религии и новым

порядкам. Так, в письме от 6 ноября 1827 г. Ч. Питмен подчеркивал, что популярность христианского вероучения кажущаяся, большинство островитян «проявляют абсолютное безразличие к вере»³². Оба миссионера сообщали о полном непонимании аборигенами догм христианства, новых юридических прав. Они казались им такими же бессмысленными и неестественными, как «законы Тибета для рядового новозеландца наших дней», — справедливо заметил современный исследователь Эрнст Биглхол³³.

И Питмен, и Бьюзакотт отмечали, что распространение христианства происходит зачастую с помощью прямого насилия и запугивания. Эти же методы миссионеры применяли, устанавливая свою власть на острове. В одном из писем Ч. Питмен сообщал: «Один из вождей в частном разговоре сказал мне... что они были более счастливы в их языческом государстве, чем теперь, когда к ним пришло слово божье, намекая на обращение с ними христианских учителей»³⁴.

Сами проповедники христианства пьянствовали и развратничали, тем самым нарушая все требования распространяемого ими вероучения. Дж. Уильямс писал в феврале 1828 г. об одном из миссионеров, который «сильно притеснял людей, заставлял девушек подчиняться его желаниям, угрожая мушкетом, используя, кроме того, и другие средства насилия»³⁵.

Оппозиция к новому порядку и лицам, его устанавливающим, стала очевидной. Враждебные отношения между островитянами и миссионерами дошли до открытого конфликта после того, как проповедник изнасиловал дочь одного из вождей.

Следует сказать, что миссионеры немало усилий приложили для разжигания межплеменной вражды на острове, перетянув на свою сторону некоторых вождей. И, когда против них начались выступления островитян, использовали своих союзников для защиты, что привело к кровавым столкновениям между аборигенами.

Военные действия были прекращены из-за эпидемий дизентерии и тифа, болезней, завезенных на остров кораблем, подошедшим к нему в апреле 1830 г. В результате эпидемии за пять месяцев, с апреля по август, умерло около 900 человек, что составило одну седьмую населения острова. В двух районах Раротонги, жители кото-

рых особенно активно выступали против миссионеров, вымерло почти все население.

В следующем, 1831 г. на остров обрушился сильнейший тайфун, нанеший островитянам страшный ущерб.

Этими бедствиями воспользовались миссионеры. Они убеждали островитян, что и эпидемии, и ураганы ниспосланы богом за их непослушание, что их ждут еще более ужасные кары, если они срочно не признают «царство божье».

К 1833 г. миссионерам удалось нормализовать положение. В посланном ими в ноябре 1833 г. отчете сообщалось, что в школах обучается 1720 детей и 640 взрослых, обращено в христианство 88, готовятся к обращению 16 и к причастию — 17 человек; произведено 26 венчаний. Правда, сами миссионеры отмечали, что посещение школ крайне нерегулярное, несмотря на то что пропуск уроков карался тюрьмой³⁶.

На Аитуитакі события разворачивались аналогичным образом. Действия миссионеров вызвали возмущение жителей. Проводимая проповедниками «слова божьего» политика «разделяй и властвуй» помогла им удержаться на острове, опираясь на лояльных вождей. Однако враждебные в отношении миссионеров действия островитян продолжались на Аитуитакі значительно дольше, чем на Раротонге.

Когда в начале июня 1839 г. британский миссионер Генри Ройл прибыл на остров, он нашел тюрьму сожженной. В июле было совершено пять покушений на судей, двое из которых одновременно выполняли обязанности дьяконов, и восемь покушений на вождей, поддерживавших миссионеров. Миссионерам Аитуитакі удалось стабилизировать положение лишь к 1845 г.

Они использовали также в борьбе с островной оппозицией эпидемические заболевания и стихийные бедствия, в частности тайфуны, пронесшиеся над островом в 1841 и 1842 гг.

В начале мая 1843 г. Г. Ройл смог сообщить о некотором прогрессе в распространении христианства: 700 детей и 500 взрослых посещали 12 миссионерских школ. В 1845 г. Георг Гилл открыл христианскую миссию на острове Мангаиа. На островах Атиу, Митиаро и Мауке отсутствовали постоянные миссии, но миссионеры периодически посещали их.

Таким образом, к середине XIX в. миссионеры прочно утвердились на островах Кука и осуществили фактическую власть над архипелагом.

Но их «попечительство» не спасло островитян от новых бедствий. Казалось, что бог белых людей никак не может утихомириться и насылает на островитян все новые и новые кары уже не только в виде болезней и ураганов.

Не менее страшными по своим последствиям были участвовавшие в 30—50-х годах XIX в. посещения островов Кука торговыми и китобойными судами.

В конце 30-х годов на острова Кука приходило ежегодно до 70 судов. А в конце 40-х годов только к Раротонге ежегодно приставало до 100 американских китобойцев. Весьма активны в этот период были и французские китобои, часто заходившие к островам Кука за пополнением запасов продовольствия и воды.

Выходившие на берег для отдыха команды судов познакомили островитян со всеми пороками «цивилизации». Они устраивали пьяные оргии, зверские дебоши, насиловали женщин, настойчиво вовлекая и островитян в такую жизнь. Пьянство глубоко укоренилось на островах. По сообщению Э. Краузе — главы миссионеров на острове Раротонга, — в 50-х годах две трети островитян уже не могли обойтись без спиртного. В последующие годы положение не улучшилось.

Жители островов Кука не избежали знакомства и с еще одним явлением, распространившимся на Тихом океане, — работоторговлей. Развитие этого «бизнеса» было связано с появлением в Австралии, Перу и на Тихоокеанских островах европейских и североамериканских плантационных хозяйств.

Лишь в 1860—1863 гг. на хлопководье и сахарные плантации, а также на разработки гуано в Перу было вывезено 10 тыс. коренных жителей Океании. Почти все они там погибли. Среди них было немало аборигенов с островов Кука.

В результате вторжения западной «цивилизации» население островов Кука резко сократилось. Если в 1827 г. на Раротонге проживало 7 тыс. человек, то через восемнадцать лет, в 1845 г., это число снизилось до 3 тыс., еще через десять лет, в 1854 г., — до 2,3 тыс., а в 1889 г. — до 1,8 тыс. человек.

Деятельность миссионеров привела к очевидным, как внешним, так и внутренним, изменениям жизни островитян. Миссионеры внедрили на островах европейскую одежду, настояли на изменении традиционных жилищ и весьма гордились результатами своих усилий в приобщении аборигенов к цивилизации. Но в действительности распространение европейской одежды и жилищ в условиях тропической жары явилось лишь дополнительным источником заболеваний.

Правда, в миссионерских школах островитяне научились немного читать и писать, но ограничивались в основном Библией. Для этого, собственно, и обучали их миссионеры.

Введение колонизаторами нового кодекса правовых норм привело к подрыву власти вождей, к постепенному установлению олигархического правления миссионеров.

У. Лоуренс, преемник упоминавшегося нами миссионера Г. Ройла на Аитуитаки, писал: «Во времена моего предшественника ни короли, ни вожди не имели здесь власти, вся она сконцентрировалась у него (Г. Ройла. — К. М.). Он творил законы и управлял островом...»³⁷.

Экономический же уклад жизни островитян, в сущности, не менялся, несмотря на то что острова Кука к середине XIX в., как мы уже говорили, ежегодно посещало много европейских и американских судов. Но контакты ограничивались лишь куплей-продажей. Островитяне поставляли морякам кокосовые орехи, таро, плоды хлебного дерева, бананы и рыбу. Никаких новых ремесел, промыслов не возникало.

Миссионеры пытались внедрить производство хлопка и кофе, но из этого так ничего и не вышло.

ПОД ВЛАСТЬЮ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ

I

К 60-м годам XIX в. британские миссионеры прочно закрепились на островах Кука, чувствовали себя их хозяевами и потому весьма ревниво следили за подозрительными действиями конкурентов: как за представителями соперничавших христианских миссий, так и за проникавшими сюда купцами.

В это время на тихоокеанской сцене купцы из Европы и Северной Америки выступали главными действующими лицами. Их привлекали в Океании китобойный промысел, сандал, золото, гуано и дешевые рабочие руки. Выгодное географическое положение Тихоокеанских островов, лежащих на морских путях, связывающих Америку с Китаем, Индией и другими азиатскими странами, явилось также немаловажной причиной возникшего к ним большого интереса.

Правительства европейских держав и США в этот период в основном избегали прямых колониальных захватов, вмешиваясь лишь в том случае, когда затрагивались интересы их торговцев и предпринимателей.

Более того, они в ряде случаев даже отклоняли просьбы местных вождей об установлении протектората и охлаждали пыл своих ретивых представителей в Океании, самовольно объявлявших суверенитет их стран над Тихоокеанскими островами.

Так, Англия в 1843 г. отклонила обращение гавайского короля о передаче островов под власть британской короны. «Лорд Эбердин не думает, что было бы полезно и политично, — говорилось в ответе министерства иностранных дел, — создать преобладающее влияние Великобритании на этих островах. Все, что возможно здесь предпринять, это помешать другой державе получить большее влияние, чем то, которым обладает Великобри-

тания». Под «другой державой» Эбердин понимал Соединенные Штаты¹. Примерно в то же время лорд Эбердин от имени британского правительства отклонил и предложение королевы Таити об установлении над островом британского протектората.

Сходную позицию в отношении Тихоокеанских островов занимали и другие великие державы, имеющие здесь свои интересы.

В 1813 г. Портер, капитан первого американского военного судна, появившегося в водах Тихого океана, объявил над островом Нукухива власть США. В декларации об аннексии острова 17 ноября 1813 г. Портер, движимый колонизаторскими чувствами, вдохновенно писал: «Аборигены должны понять, что только необходимость дружественной охраны, в которой они нуждаются, вынудила нас принять их в великую американскую семью, чья республиканская политика так близка их собственной»². Однако правительство США не приняло этого подарка своего воинственного гражданина.

Что касается германского правительства, то оно вплоть до 80-х годов XIX в. не уставало повторять о своей незаинтересованности в колониальных захватах на Тихом океане. В 1872 г. Бисмарк отклонил обращение короля Фиджи об установлении германского протектората над островами. Он заявил со свойственной ему экспрессией: «До тех пор пока я являюсь имперским канцлером, мы не будем вести колониальной политики»³.

В подобной позиции в отношении островов Океании колониальных и в скором времени ставших таковыми держав нет ничего удивительного.

В период процветания свободной конкуренции капиталистические державы вяло реагировали даже на возможность приобретения куда более богатых стран, чем маленькие вулканические и коралловые острова Тихого океана, отделенные от них многими тысячами миль морского пространства. Даже Африка, всегда интересовавшая Европу, к середине 70-х годов XIX в. была колонизирована европейскими державами лишь на 10%. Известны знаменитые слова Дизраэли: «Колонии — это мельничные жернова на нашей шее». Более того, буржуазные политики самой крупной колониальной державы мира — Англии — «были *против* колониальной политики, считали

освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом»⁴.

Тем не менее уже в 40-х годах Великобритания, а за ней и Франция совершают свои первые прямые колониальные захваты в Океании.

В первой половине 60-х годов в поле зрения колонизаторов попадают и острова Кука. Все больший интерес к ним проявляет Новая Зеландия. Газеты Окленда⁵ все чаще говорят об «открытии Раротонги»⁶. В номере от 13 августа 1864 г. газета «*Окленд цикли ньюс*» выступила с предложением начать перенаселение коренных жителей Новой Зеландии — маори — на Раротонгу, а освободившиеся земли, в свою очередь, распределить между белыми колонистами в Новой Зеландии. Подобные выступления были отражением рождавшейся в то время колониальной политики тихоокеанской «белой колонии» Великобритании.

В 1865 г. вожди островов Кука под нажимом британских резидентов обратились через генерал-губернатора Новой Зеландии Дж. Грея с петицией к правительству Великобритании об установлении английского протектората над архипелагом, но эта петиция была отвергнута британским правительством. В то же время сами новозеландцы пытались захватить более внушительную добычу: острова Самоа и Фиджи, ценность которых в глазах европейцев и североамериканцев значительно возросла к началу 70-х годов XIX в.

Дело в том, что окончание в 1869 г. строительства трансамериканской железной дороги сделало более целесообразной транспортировку товаров из Европы в восточные страны, Австралию и Новую Зеландию через американскую территорию, нежели по старому пути — вдоль Африканского материка мимо мыса Доброй Надежды. Американские дельцы начали проявлять серьезный интерес к новым тихоокеанским морским путям. Поскольку паровые суда того времени не могли совершать большие переходы без пополнения запасов топлива, встала необходимость найти в Тихом океане пункты для организации угольных станций. На первых порах американцы исследовали с этой целью острова Микронезии.

В 1870 г. капитан Труксон на корабле «Джемстаун» совершил трехмесячное плавание в Микронезию. В своем отчете он отрицательно отозвался о возможности

для США практически использовать острова Феникс, Гилберта и Маршалловы. Каролинские острова, по его мнению, могли бы представить некоторую ценность лишь в случае значительного увеличения торговли Австралии с Китаем, в то время как сами по себе они не являются сколь-нибудь выгодным полем деятельности для американского бизнеса.

В этом же году крупный нью-йоркский судостроитель и судовладелец В. Вебб передал на рассмотрение правительства США проект, в котором предлагал связать паровой и почтовой линиями Сан-Франциско с Австралией. Его поддержали государственный департамент и почтовое ведомство.

Видя активность американских дельцов, новозеландцы решили их опередить. Инициативу взял на себя Оклендский провинциальный совет. В ноябре 1870 г. совет обсудил необходимость создания паровой линии, соединяющей Новую Зеландию с островами Фиджи. Специальный комитет экспертов при совете подтвердил целесообразность такого рода проекта. Один из членов комитета, И. Мосс, заявил, что Окленд сможет обогнать Сидней и Мельбурн в торговых оборотах с Фиджи и тогда Новая Зеландия «станет естественным центром островной торговли, которая будет играть для нее такую же роль, как Вест-Индия для Англии в аналогичных обстоятельствах»⁷. А другой член комитета, Д. Грехем, пошел еще дальше. «Фиджи, — сказал он, — находятся в таком непосредственном соседстве с Новой Зеландией, что могут рассматриваться почти как часть колонии, и я надеюсь увидеть их частью Новой Зеландии»⁸. Комитет одобрил проект организации паровой линии, а в январе 1871 г. Оклендский провинциальный совет его утвердил. Действовать паровая линия начала с июня 1873 г. Но на этом оклендцы не успокоились. Они продолжали создавать проекты новых паровых линий, в частности на островах Самоа и Тонга, и соответствующие документы направляли правительству колонии, у которого находили полную поддержку. Практическому осуществлению этих проектов помогло неожиданное обращение к новозеландскому правительству уже упоминавшегося нами американского дельца В. Вебба.

Предложение Вебба о создании новой тихоокеанской линии не нашло положительного отклика в конгрессе

США. И тогда он попросил правительство Австралии и Новой Зеландии оказать ему финансовую помощь, прекрасно понимая, что эти страны более, чем США, заинтересованы в такой линии. Новозеландцы не заставили себя долго уговаривать, и в 1871 г. тихоокеанская почтово-пароходная линия начала действовать. Именно с именем Вебба связана первоначальная история новозеландского «локального империализма».

Ю. Фогель, уроженец Лондона, прибыл в Новую Зеландию в период «золотой лихорадки» в качестве журналиста. В 1863 г. он был избран в палату представителей, через шесть лет вошел в состав правительства, а в 1873 г. стал премьер-министром Новой Зеландии.

Он первым из новозеландских политических деятелей откровенно высказался за захват в той или иной форме островов Самоа и Фиджи. Под его нажимом правительство колонии в декабре 1871 г. послало на Самоа специального представителя Вильяма Сида, занимавшего пост секретаря таможенного управления (управляющим являлся Фогель). Через полтора месяца Сид представил Фогелю доклад, в котором утверждал, что и самоанцы, и проживающие там европейцы будут приветствовать установление британского протектората над островами. Он подчеркивал также достоинство гавани Паго-Паго с точки зрения устройства там угольной станции для морских судов. Доклад Сида заканчивался выводом о том, что правительство Новой Зеландии должно убедить британское правительство распространить свой суверенитет на Самоа, а непосредственное управление архипелагом передать новозеландцам, как имеющим опыт в обращении с маори, что устранит многие трудности, которые «могут возникнуть, если управление островами будет передано лицам, плохо знающим или совсем не знающим характер и предрассудки полинезийских аборигенов»⁹.

Фогель немедленно послал доклад Сида в обе палаты новозеландского парламента, а также в британское министерство колоний. В официальном ответе министерства сообщалось, что, хотя британское правительство и понимает растущее значение Тихоокеанских островов, оно не готово к установлению протектората над Самоа.

Однако Фогель не думал сдаваться. Активность, которую проявили на Самоа США, а затем Германия, побудила его действовать настойчивее.

Узнав о заключении американским капитаном К. Мейдом договора с самоанцами о строительстве станции в Паго-Паго, он послал 9 июня 1872 г. новую записку английскому правительству, а 25 июля 1873 г., уже будучи премьер-министром, еще одну, написанную в весьма решительных выражениях, где от имени новозеландского правительства требовал принять срочные меры, чтобы Самоа не попали в руки какой-либо иностранной державы, а в случае если британское правительство не захочет этого сделать, то предоставить возможность Новой Зеландии самой защитить свои интересы на островах.

И опять новозеландцы получили отрицательный ответ правительства Великобритании. Но Фогель продолжал упорствовать. 17 октября 1873 г. он направил британскому правительству меморандум, в котором настаивал на захвате не только Самоа, но и всех других «ничейных» островов Тихого океана. Ссылаясь на британские традиции, взывая к колониальным, коммерческим и политическим интересам, он просил Англию взять на себя заботу о распространении «цивилизации на благодатных островах Тихого океана» и обещал самую горячую поддержку Новой Зеландии. Новозеландские министры «осмеливаются утверждать, — не преминул заметить Фогель, — что Великобритания... может справедливо гордиться своим перевоплощением в „Великобританию Южных морей“, как удачно назвали Новую Зеландию»¹⁰.

Однако и на этот раз он не получил положительного ответа британского правительства. Министерство колоний сообщало, что правительство ее величества не может санкционировать какие-либо шаги, которые привели бы Великобританию к необходимости вмешаться в самоанские дела. «Я против аннексии этих островов или вмешательства в их дела, — заявил министр колоний лорд Кимберли. — Могло бы быть правомерным заключение договора, предоставляющего равные возможности британским подданным, торгующим с Навигаторскими островами, но в настоящее время представляется нежелательным такое действие, поскольку это может привести к спорам с Соединенными Штатами... Учитывая большое количество мест в мире, которые мы аннексировали, нам не следует препятствовать другим морским державам в получении для них нескольких станций»¹¹.

Столь снисходительная по отношению к действиям США позиция Великобритании в то время объяснялась довольно просто: Англия была поглощена фиджийскими делами. Новозеландское правительство вместе с правительствами австралийских колоний, видя заинтересованность Англии в островах Фиджи, начало проявлять активность в фиджийском вопросе, и имперскому правительству пришлось недвусмысленно указать новозеландцам и австралийцам их место.

Говоря в английском парламенте о судьбе островов Фиджи, лорд Карнарвон полностью исключил возможность передачи их в управление британским «белым» колониям в Южных морях, считая, что они еще не достигли того уровня развития, который позволил бы им взять на себя подобную ответственность. «Их собственная ноша и так тяжела, и, хотя с их стороны имеется добрая воля и они обладают уже значительной политической компетенцией, тем не менее они еще не созрели для того, чтобы взяться за управление делами молодой независимой страны». Однако британский министр колоний не собирался представлять Фиджи самим себе. «Трудности настолько возросли, что гражданская война была предотвращена только благодаря находившемуся здесь одному из кораблей королевского флота. Многочисленные английские поселенцы, большой английский капитал и английские интересы требуют мира на островах, поэтому мы не можем убрать наши руки и сказать, что не хотим ничего делать с этими островами». Единственный выход — это передача Фиджи Великобритании. «У правительства ее величества существует единственное условие... оно состоит в том, что передача островов во всех отношениях будет абсолютно безоговорочная и мы получим полную свободу управления делами островов»¹².

Не менее настойчиво и темпераментно продолжал политику Новой Зеландии в отношении Тихоокеанских островов и Дж. Грей, сменив Фогеля на посту премьер-министра.

Правительство Великобритании по-прежнему проводило политику сдерживания своих ретивых представителей в колонии, но новозеландцы тем не менее упорствовали в благом желании подарить британской короне новые земли.

Когда возникла угроза германского захвата Новой

Гвинеи, новозеландское правительство и правительство австралийских колоний собрались в декабре 1883 г. на совещание в Сиднее и заключили конвенцию, которая признала захват Новой Гвинеи (кроме ее западной части, принадлежавшей Голландии) и прилегающих к ней островов. Она объявила, что дальнейшие захваты какой-либо державой территории в западной части Тихого океана южнее экватора представят собой угрозу безопасности британских владений в Океании и что «ни одно приобретение или потенциальное приобретение земли, сделанное до установления британской юрисдикции, а также владения в Новой Гвинее или на других островах Тихого океана... не будет признано, за исключением небольших участков земли, занятых миссионерами или в торговых целях»¹³.

Акцентируя внимание на общеимперских интересах в своих колониальных проектах, новозеландская буржуазия ни на минуту не забывала, однако, о своих собственных. Ю. Фогель, являвшийся, как мы видели, энтузиастом британских захватов в Тихом океане, организовал движение среди белых колонистов Фиджи за федеративное объединение островов с Новой Зеландией. На Фиджи происходили бурные митинги, принимались резолюции, ратовавшие за объединение обеих колоний. Соответствующие петиции направлялись в новозеландский парламент. В июле 1885 г. специальная комиссия парламента рассмотрела эти обращения и поддержала их. Но новозеландские органы власти, имея статус колонии, не могли принимать самостоятельные решения по территориальным вопросам без санкции английского правительства. А одобрения своих намерений в отношении Фиджи они от Великобритании не получили. Министерство колоний отказалось заниматься предложениями об объединении Фиджи с Новой Зеландией.

Выше упоминалось о том, что новозеландское правительство горячо выступало за захват Англией островов Самоа. Оно послало на острова ловкого оклендского политика Джона Лундона, который склонил самоанских вождей обратиться в ноябре 1884 г. с петицией к английской королеве, прося ее распространить свою власть на Самоа и сделать их британской колонией или передать в управление Новой Зеландии.

Используя страх самоанского короля Малиего перед

немцами, Дж. Лундон добился того, что король в феврале 1885 г. направил в самоанский парламент проект акта о передаче островов под власть Новой Зеландии и о посылке самоанской делегации в Новую Зеландию для доставки этого акта новозеландскому правительству. Со своей стороны последнее через своего представителя в Лондоне всячески старалось склонить британское правительство к аннексии Самоа и передаче их в управление Новой Зеландии.

Однако Англия, занятая сложной политической игрой с Германией и США, оставалась глуха к колониальным устремлениям новозеландцев. Маневры великих держав в самоанском вопросе окончились подписанием 2 декабря 1899 г. англо-американо-германского соглашения, по которому Англия отказывалась от своих «прав» на Самоа и получала компенсацию в Тонга, на Соломоновых островах и в Западной Африке. Для новозеландского правительства это было большим ударом. В сильном раздражении тогдашний премьер-министр колонии Р. Седдон назвал действия Англии предательством.

Главным врагом Британии на тихоокеанской сцене Седдон считал Соединенные Штаты и потому всеми силами стремился не допустить американцев на Самоа и Гавайи. В июне 1897 г. по пути в Англию Седдон посетил Гонолулу. В конфиденциальном письме английскому правительству, посланном в Лондон 23 июня 1897 г., он изложил свои взгляды. Но английское правительство продолжало спокойно взирать на энергичные действия своего тихоокеанского конкурента.

Отношение англичан к попыткам США захватить Гавайи было двойственным. Эта аннексия вызывала у них чувство протеста. Англия имела с Гавайями давние связи и предпринимала попытки распространить свой суверенитет на острова. Прекрасно сознавая стратегическое и коммерческое значение Гавайев, она понимала, насколько усилится позиция США в бассейне Тихого океана в результате их аннексии. Все это заставляло Англию внимательно следить за событиями на Гавайях и по мере сил оказывать влияние на их развитие.

Официально же английское правительство старалось избегать таких действий и заявлений, которые вызвали бы неприязнь США или обострение отношений с ними. Некоторые шаги, предпринятые Англией, напротив, ука-

зывали на ее желание достичь более тесных контактов с Соединенными Штатами (возведение британского посланника в Вашингтоне в ранг посла и др.), что явно проявилось позднее, в период испано-американской войны.

Примечательна в этой связи статья в британском либеральном органе «Спикер» от 4 февраля 1893 г. «Мы должны поддерживать Америку, — говорилось в ней, — в ее попытках расширить свои интересы. Политика в союзе с Америкой даст нам возможность удовлетворить без риска и ущерба наши собственные интересы или интересы наших колоний в Тихом океане». В номере от 18 февраля эта мысль еще более конкретизировалась: «Английские государственные деятели должны понимать, что американские интересы на Гавайях значительно превосходят интересы любой другой державы и, несмотря на возражения колоний, захват островов должен явиться... первым и, вероятно, наиболее важным шагом на пути к англо-американскому союзу в будущем...»

Р. Седдон, как и его предшественники Фогель и Грей, был одержим идеей максимально широких британских захватов на Тихоокеанских островах и передачи власти над ними Новой Зеландии. Совершая вояж по островам якобы с целью поправить здоровье, Седдон в мае 1900 г. приехал на Тонга, которые незадолго до того были переданы под «протекцию» Великобритании. Там он сразу же вступил в контакт с представителями белых колонистов, выразивших желание, чтобы Тонга были аннексированы Новой Зеландией. Седдон заручился поддержкой влиятельнейшего на острове человека — англичанина Беккера, бывшего миссионера, а теперь занимавшего пост премьер-министра тонганского правительства, и британского вице-консула на островах Р. Лифа.

Однако решительных действий Седдон не предпринимал до мая 1902 г., когда умер король Тонга. Узнав о его смерти, Седдон немедленно телеграфировал об этом британскому правительству, прося разрешения на аннексию Тонга. Но Лондон ответил отказом, считая, что «Новая Зеландия слишком торопится»¹⁴.

Такой же неудачей окончилась попытка Седдона поставить острова Новые Гебриды под новозеландский контроль. Седдон ездил и в Англию, и в Австралию, вел длительные переговоры с имперским и австралийским правительствами, и все напрасно. Смерть постигла его в

июне 1906 г. на пути из Австралии в Веллингтон, куда он возвращался после очередных переговоров.

Рассматривая события тех лет, современный новозеландский историк К. Синклер справедливо замечает: «Гигантская эпидемия шовинизма... которая охватила многие европейские народы в это время, вовлекла Соединенные Штаты в войну с Испанией, Германию привела к Weltpolitic и несчастьям, в британских странах приняла форму джингоизма...

Этот вид истерического „империализма“, соединивший в себе грубые и нетерпимые расовые предрассудки и милитаризм с любовью к родине, сохранялся в Новой Зеландии в течение долгого времени»¹⁵.

Р. Седдон был ярким представителем новозеландского «колониального джингоизма». Его неудача в стремлении добыть Новой Зеландии собственные колонии не поколебали его преданности британскому империализму. «Президент Рузвельт сказал, что звездно-полосатый флаг будет господствовать над Тихим океаном. А я говорю, — заявлял Седдон, — что если какой-либо флаг и будет господствовать в Тихом океане, то лишь „Юнион Джек“»¹⁶.

Потерпев ряд неудач при попытке поставить под свой контроль относительно крупные архипелаги Океании, новозеландцы стали более внимательно присматриваться к мелким, часто незаселенным островам, которые пока еще оставались вне поля зрения мировых держав.

Именно такие острова лежали в 600 милях на северо-восток от Окленда. Заинтересоваться необитаемыми островами Кермадек, не имеющими не только удобных гаваней, но и приличных якорных стоянок, было трудно. Но когда в 70—80-х годах XIX в. начался быстрый процесс колониального раздела Океании между европейскими державами, новозеландцы решили объявить их своей собственностью. 28 октября 1885 г. новозеландский кабинет обратился к британскому правительству с меморандумом, в котором говорилось, что острова Кермадек должны рассматриваться как неотъемлемая часть Новой Зеландии и поэтому должны быть ею аннексированы.

Министерство колоний передало меморандум новозеландцев на изучение в Адмиралтейство и министерство иностранных дел. И то и другое ведомство не возражали

против аннексии островов Новой Зеландии, причем Адмиралтейство откровенно объяснило причину: невозможность использовать их в военных и коммерческих целях. После этого английское правительство официально уведомило новозеландцев о согласии на захват островов Кермадек.

31 июля 1886 г. капитан Ф. Клейтон поднял британский флаг на самом крупном острове — Сандей — и объявил суверенитет королевы Англии над всей группой островов. Через год, 17 августа 1887 г., на Сандей прибыли представители новозеландского правительства и объявили об аннексии островов Кермадек Новой Зеландией. Таким образом, был создан важный для новозеландцев прецедент. Первая удача окрылила их, и следующей жертвой неуголенных колониальных вожделений правительства Новой Зеландии пали острова Кука. Но этому предшествовала довольно долгая и сложная история.

Еще в 1865 г. под нажимом британских резидентов местные вожди обратились через Дж. Грея с петицией к английскому правительству об установлении протектората над островами Кука. Эта петиция, подобно многим другим, была в то время отвергнута. Следует сказать, что тогда, да и позднее, вплоть до начала 80-х годов, сами новозеландцы не обращали серьезного внимания на острова Кука, сосредоточившись на попытке захвата островов Самоа и Фиджи. Лишь потерпев там неудачу, они изменили свое отношение к островам Кука.

К тому же в это время пристальное внимание новозеландцев стали привлекать притязания Франции на острова Кука. Так, 10 августа 1881 г. к Раротонге подошел французский военный корабль под командованием капитана Линарда. Как сообщал британский миссионер Г. Гилл, французский капитан, прежде чем нанести визит королеве Макеа, встретился с купцами-европейцами, стараясь получить от них информацию о положении на острове. Когда же он предстал перед Макеа, то попытался склонить ее к тому, чтобы прекратить торговлю с Новой Зеландией, а продавать свои товары на Таити. Он даже пытался вручить королеве подарки, но они не были ею приняты.

Новая Зеландия решила форсировать захват островов Кука. В сентябре 1885 г. специальный комитет палаты представителей новозеландского парламента вынес

резолюцию о целесообразности установления британского суверенитета над островами Кука. У правительства Англии это не нашло поддержки, поскольку, как сообщало министерство колоний, из-за отсутствия хороших гаваней эти острова не представляют интереса для империи. Но новозеландский кабинет теперь уже проявил большое упорство и продолжал настаивать на необходимости аннексии островов. При этом новозеландцы указывали на значительный объем торговли с островами Кука, достигший в 1884 г. 11 тыс. ф. ст. по экспорту и 24 тыс. ф. ст. по импорту. Они указывали также на желание королевы видеть острова Кука под властью Британии. Тут же высказывались опасения захвата островов другими державами, и в первую очередь Францией, проявлявшей большую активность в Восточной Полинезии. В случае согласия Великобритании новозеландское правительство выражало готовность вступить в переговоры с Макеа Арики — королевой острова Паротонга.

В октябре 1885 г. королева Паротонги с мужем посетила Новую Зеландию, где подтвердила свое желание видеть острова Кука под властью Англии. Активизировалось и европейское население островов, обратившееся к английскому и новозеландскому правительствам с аналогичной просьбой.

Английское правительство медлило с ответом. В то время оно вело переговоры с Францией по поводу Новых Гебрид и опасалось, что аннексия островов Кука помешает их благополучному завершению. Полученный наконец ответ английского правительства был, по сути дела, отрицательным. В письме министерства колоний от 23 ноября 1885 г. сообщалось, что острова Кука не представляют интереса из-за отсутствия удобных гаваней, но одновременно было обещано прислать более подробный ответ после консультации с министерством иностранных дел и Адмиралтейством. Спустя полгода министр колоний Э. Стенхоуп сообщил о результатах переговоров. Великобритания давала согласие на установление своего протектората над островами Кука при условии, что Новая Зеландия оплатит все связанные с этим расходы. Однако назначение колониальной администрации будет происходить из Лондона и подчиняться она будет британскому правительству.

Эти условия были отвергнуты новозеландским прави-

тельством, которое в своем письме от 28 июня 1887 г. предложило в качестве компромисса решить вопрос об управлении островами Кука аналогично тому, как было решено с Новой Гвинеей, где после установления британской юрисдикции фактическое управление передали Квинсленду, британской колонии в Австралии. Новозеландцы предлагали превратить острова Кука в британский протекторат, управляемый губернатором Новой Зеландии. Но Великобритания не согласилась с этим предложением.

В 1888 г. слухи о возможной аннексии французами островов Кука стали широко распространяться. Это было связано со строительством Панамского канала, руководимым французским инженером Лессепсом. Характерной в этом отношении была статья «Положение на Тихом океане», опубликованная в то время в английской газете «Таймс», где говорилось: «Раротонга станет главной угольной станцией для французских кораблей, плывущих через Панаму в Австралию»¹⁷.

В мае 1888 г. королева Макеа вновь обратилась с петицией к английскому правительству об установлении протектората над островами Кука. На этот раз британское министерство колоний благосклонно отнеслось к призыву королевы и согласилось установить протекторат, что и получило поддержку министерства иностранных дел.

В результате правительство Великобритании отдало приказ о немедленном объявлении островов Кука британским протекторатом. Этот приказ был практически реализован 27 сентября 1888 г. английским вице-консулом на острове Раротонга Р. Эксхемом. Месяц спустя капитан Э. Бурк, обойдя на корабле «Геоунт» все острова архипелага, поднял на каждом из них британский флаг и передал верховным вождям — арики декларацию, в которой объявлялось о распространении на остров протекции британской королевы. Управление же новым протекторатом внешне возлагалось на Новую Зеландию: она должна была направлять и содержать резидента на островах.

В октябре 1890 г. резидентом был назначен Фредерик Мосс из Окленда. Практически он приступил к выполнению своих обязанностей в апреле 1891 г. Мосс, однако, назывался «британским резидентом» и подчинял-

ся британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана. Сложилась своеобразная ситуация: Новая Зеландия посылает своего представителя на острова Кука, оплачивает расходы по управлению ими, но сама, по существу, не имеет права оказывать влияние на управление протекторатом.

II

В письмах, которые капитан Бурк оставлял вождям островов Кука, содержалось явное противоречие в определении нового статуса архипелага. «Английское правительство, идя навстречу ходатайствам, — говорилось в первой фразе писем, — ставит острова Кука под протекцию британского флага...» Заканчивалась же фраза словами: «территория становится частью британских владений»¹⁸.

Когда в середине февраля 1889 г. английское министерство иностранных дел получило копии писем Бурка, опасаясь, вероятно, возможных осложнений в отношениях с другими державами, имевшими интересы в Тихом океане, оно обратило внимание на это обстоятельство министерства колоний. Министерство иностранных дел указывало на то, что в письмах ставится знак равенства между установлением протектората и аннексией. Оно настаивало на том, чтобы вождей островов Кука немедленно информировали: их острова не стали частью владений британской королевы, она лишь распространила на них свою протекцию.

В своем ответе министр колоний лорд Натсфорд, согласившись, что было неразумно объявлять об аннексии островов, тем не менее не советовал менять форму декларации Бурка. С его точки зрения, это может быть превратно истолковано в британских колониях, иностранными державами и на самих островах Кука, где местные вожди не в состоянии понять юридические тонкости. Поэтому лорд Натсфорд рекомендовал объявить «туземцам островов Кука, что в намерения правительства се величества не входит в настоящее время распространение на острова полного суверенитета или создания там гражданской администрации, которая была бы слишком дорога для них сейчас, и что власть Британии на островах будет осуществляться в форме протектората».

Лорд Натсфорд одновременно указывал на необходимость прямой аннексии острова Аитуитики после того, как там будет создан порт. Он также советовал, чтобы назначенный правительством британский резидент на островах Кука в самом первом своем акте объявил, «что, так же как в Новой Гвинее, все европейцы могут приобретать права собственности на землю на островах этой группы только через представителя ее величества и что на острове Аитуитики земля вообще не будет продаваться, так как он может стать важным морским портом»¹⁹.

Предложения лорда Натсфорда были приняты. Не трудно заметить, что спор между министерствами был чисто казуистического характера — об оформлении установления фактического господства Великобритании над островами Кука.

Капитан Бурк составил подробный отчет о своем пребывании на островах Кука, который дает представление об общей обстановке, условиях жизни на архипелаге накануне установления британского господства. Он свидетельствует, что управление островами фактически осуществлялось миссионерами. В их руках была и полиция. Они ввели на всех островах свой кодекс законов. Р. Эксхем, временно представлявший британскую корону на островах, не внес ничего нового в управление новым владением Великобритании в Тихом океане. Первый же постоянный резидент, Ф. Мосс, сменивший Эксхему в 1890 г., напротив, был весьма активен в реформах управления.

Одним из его мероприятий было введение конституционного акта на островах Кука. Согласно этому акту в 1891 г. был создан законодательный орган — Федеральный парламент, в который входило по три представителя от каждого острова, и Исполнительный совет, состоящий из верховных вождей островов. Председателем совета была избрана королева Раротонги Макеа. Существовал и верховный суд. Однако все эти органы не имели фактической власти. Она сосредоточивалась в руках резидента, который утверждал все законодательные и административные акты и одновременно являлся главным судьей верховного суда. Тем не менее на каждом острове были созданы свои законодательные и исполнительные органы.

Когда Ф. Мосс прибыл на Раротонгу, он, по его сло-

вам, нашел там законы, представлявшие «смесь церковных и светских правил»²⁰. Свод их в последний раз составлялся в 1879 г. С 1879 по 1891 г. был введен лишь один новый закон. Ф. Мосс потратил немало усилий, чтобы найти этот свод законов. Наконец он обнаружил кодекс в миссионерской библиотеке на Раротонге. Оказалось, что это был единственный экземпляр на острове.

В период 1891—1901 гг. законодательная деятельность на островах Кука шла значительно оживленнее. Помимо законов, определявших структуру и функции федеральных и островных органов управления, было принято не менее пятидесяти актов, относившихся к самым различным сферам: акты, каравшие за изнасилование и колдовство, устанавливавшие федеральный флаг, регулировавшие развод, запрещавшие высадку на берег больных моряков и использование динамита для глушения рыбы, ограничивавшие допуск на острова китайцев (на том основании, что среди них распространена проказа), курение опиума и т. д. Существовавшие ранее законы были кодифицированы и пересмотрены. Так, например, на острове Аитуитаки в 1899 г. были отменены законы, по которым полиция имела право подвергнуть судебному преследованию забеременевших незамужних женщин и лиц, игравших в карты, а также законы, запрещавшие ходить по улице с женщиной в обнимку, татуироваться, уходить с незамужней женщиной в глубь острова. Все эти пуританские акты были установлены в период господства миссионеров на островах Кука.

Что касается экономической жизни архипелага, то она к началу XX в. не претерпела никаких заметных изменений.

КОЛОНИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

I

С самого начала установления британского протектората на островах Кука система управления ими совершенно не удовлетворяла новозеландское правительство. Оно оплачивало все расходы по новому владению Британской империи, но юридически и фактически не было хозяином положения на архипелаге.

В 1900 г. Р. Седдон, обиженный на британское правительство за «предательство» в решении самоанского вопроса, стал особенно яростно добиваться аннексии островов Кука. Чтобы склонить на это Великобританию, он не уставал говорить о заслугах Новой Зеландии в верно-подданном служении общеимперским интересам.

В конце концов британское правительство сдалось. «Правительство ее величества, — писал в своем ответе Седдону министр колоний Д. Чемберлен, — понимает законное неудовлетворение Новой Зеландии соглашением о Самоа и ценит лояльность, с которой оно было воспринято в колонии, понимая, что эти действия правительства ее величества благоприятно скажутся на делах империи в целом». В благодарность английское правительство соглашалось на аннексию островов, с тем чтобы они стали составной частью Новой Зеландии¹.

В мае — июне 1900 г. Седдон совершил поездку на острова. По возвращении он представил обширную записку губернатору Новой Зеландии, в которой советовал как можно скорее захватить острова Кука. Умерла королева острова Раротонга Макеа, и поэтому возможны всяческие осложнения и неожиданности. Записка Р. Седдона была встречена благосклонно. Проект резолюции об аннексии островов Кука был вынесен на рассмотрение новозеландского парламента в сентябре 1900 г.

В речи, произнесенной во время обсуждения проекта резолюции, Р. Седдон говорил: «Наша обязанность — по-

мочь сохранить полинезийскую расу... и я прошу парламент исполнить эту обязанность».

Ему вторили другие ораторы. Так, депутат парламента У. Уолкер заявил, что, поскольку островитяне являются «первыми кузенами, или кузинами, отделенными от новозеландских маори очень небольшим расстоянием», будет вполне естественно и законно, «чтобы все маори были бы, так сказать, объединены под властью новозеландского правительства»².

Подобные высказывания звучали особенно цинично, поскольку в то время, когда они произносились, маорийское население Новой Зеландии вымирало. Если во времена Дж. Кука коренное население страны насчитывало более 100 тыс. человек, то к концу XIX в. — около 40 тыс. После установления в Новой Зеландии в 1840 г. британского господства маори в течение почти сорока лет вели героическую борьбу против самой могущественной в то время державы мира.

Оскорбленные и ожесточенные этим «возмутительным» сопротивлением, надменные британцы не стесняли себя в выборе средств. Они открыто провозгласили своим девизом физическое уничтожение маори. «Мы должны убивать их без пощады, — писала газета „Веллингтон индепендент“ 21 июля 1868 г. — Они намерены бороться, и мы из самосохранения должны поступать с ними как с бешеными животными, которых надо истребить, чтобы сделать возможной колонизацию Новой Зеландии». Сжигались селения, вырубались сады, вытаптывались поля. Даже старые могилы не оставляли в покое: их разрывали и грабили. «В последних боях, — отмечала в те времена газета „Нельсон икземинер“, — пленных не было, так как... генерал Шат (командующий британской армией в Новой Зеландии. — К. М.) не хотел обременять себя подобной роскошью»³.

Война стоила маори огромных жертв и принесла большие разрушения, сделав и без того их тяжелое положение поистине трагическим. Маори вымирали. Их полное исчезновение казалось делом недалекого будущего. Если они все-таки выжили, и не только выжили, но и добились в последующие годы признания, пусть формального, на равноправное участие в политической, социальной и экономической жизни страны (явление весьма редкое в истории колонизации), то произошел столь по-

разительный феномен не по милости британских колонизаторов, а вследствие самоотверженной, непрекращающейся борьбы этого гордого, свободолюбивого народа.

28 сентября 1900 г. новозеландский парламент принял резолюцию об аннексии островов Кука. Когда спикер объявил об этом, депутаты встали со своих мест и с воодушевлением пропели гимн «Правь, Британия!»

Седдону очень хотелось объявить о расширении британских владений в Тихом океане именно 1 января 1901 г. В телеграмме английскому министру иностранных дел он объяснил это тем, что «экспансия будет подходящим знаком, знаменующим наступление нового столетия»⁴. Но различного рода формальности задержали официальное провозглашение аннексии островов Кука на полгода, и оно состоялось только 11 июня 1901 г.

После аннексии управление островами Кука не изменилось. Все действовавшие законы были оставлены в силе. Как покажет дальнейшее изложение, конституционное устройство архипелага не менялось, по существу, до середины 60-х годов нынешнего столетия. Наблюдались даже некоторые регрессивные действия. Так, Федеральный парламент постепенно свертывал свою деятельность и окончательно прекратил ее в 1912 г.

В 1915 г. новозеландский парламент принял новый Акт об управлении островами Кука: на островах не предусматривалось создание общего законодательного органа. Вводились лишь островные советы. Архипелаг полностью передавался в управление резидент-комиссара, назначавшегося правительством Новой Зеландии

Интересно отметить, что во время обсуждения новозеландским парламентом вопроса об аннексии островов Кука премьер-министр Р. Седдон говорил о предоставлении равных прав новым членам новозеландской семьи, о предоставлении коренным жителям островов права представительства в парламенте Новой Зеландии. В меморандуме, направленном губернатору Новой Зеландии, Седдон заявлял, что «в документе об аннексии островов Кука должны быть предусмотрены положения... об избрании одного или более местных жителей от каждого острова в палату представителей и о назначении одного или более верховных вождей в Законодательный совет Новой Зеландии»⁵. Но все эти заявления не нашли никакого отражения ни в Акте об аннексии островов Кука,

ни в последующих законодательных документах. Через два года после аннексии член новозеландского кабинета, обладавший длиннейшим титулом — «министр, ответственный за управление островами Кука и другими островами», К. Миллс в своем докладе осторожно напомнил: «Поскольку наши социальные, фиксальные и коммерческие отношения стали более тесными, то к островам должен быть применен кардинальный принцип: не может быть налогообложения без представительства, а поэтому необходимо принять соответствующее законодательство»⁶. Однако островитяне так никогда и не получили права представительства в новозеландском парламенте.

На самих островах Кука, как мы выше отмечали, после 1912 г. не существовало никакого законодательного органа, даже в такой совершенно невинной форме как Федеральный парламент, созданный первым администратором на островах — Ф. Моссом. Лишь по Акту об управлении островами Кука, принятому новозеландским парламентом уже после окончания второй мировой войны, в 1946 г., предусматривалось возрождение этого органа в виде Законодательного совета островов Кука.

Законодательный совет состоял из десяти неофициальных членов, избравшихся островными советами (три коренных жителя и один европеец — от Раротонги, по одному коренному жителю — от островов Аитунтаки, Маугаиа, Пенрин, Манихики, Атиу и Мауке), и десяти официальных членов, а именно: резидент-комиссара (председатель совета), директоров департаментов (образования, сельского хозяйства, здравоохранения, финансов) и резидентов-агентов на указанных выше шести островах. Все официальные члены были новозеландцами.

По Акту 1957 г., принятому новозеландским парламентом, Законодательный совет был преобразован в Законодательное собрание. Внешне этот орган выглядел более демократично. Основной его состав — 22 члена — избирался жителями островов Кука. Четыре члена назначались резидент-комиссаром, он же являлся председателем собрания.

Но функции Законодательного собрания не были расширены, и это учреждение в той же мере, что и Законодательный совет, было лишь декорумом, скрывающим фактически неограниченную власть резидент-комиссара.

Управление на отдельных островах было организовано следующим образом. Глава администрации — резидент-агент. При нем аппарат управления, состоявший из полицейских, служащих, медицинских работников и др., а также совет острова. Последний состоял из представителей всех деревень острова, избравшихся открытым голосованием жителями, достигшими 18 лет. Председательствовал на заседании совета резидент-агент.

Все сколько-нибудь заметные административные должности на островах Кука занимали европейцы. «Острова Кука управлялись европейцами, — пишет Э. Биглхол, — островитяне же выполняли только самые будничные обязанности»⁷.

II

Экономическая жизнь островов Кука менялась еще медленнее, чем политическая. Более того, к 60-м годам XX в. наблюдался даже известный спад.

С появлением европейских колонистов были организованы небольшие плантации цитрусовых, объем продукции которых все время увеличивался, достигнув своего зенита в середине 20-х годов нынешнего столетия, когда вывозилось до 180 тыс. ящиков апельсинов и десятки тысяч ящиков бананов.

В дальнейшем же, вследствие игнорирования колониальной администрации нужд сельского хозяйства, произошел его значительный спад. Если в 1930 г. стоимость экспорта составляла 109,5 тыс. ф. ст., то в 1939 г. — 56,7 тыс. ф. ст. В 1935 г. с островов Кука было вывезено 48,3 тыс. ящиков цитрусовых, 22,5 тыс. ящиков бананов, 1,4 тыс. т копры, а в 1955 г. эти цифры соответственно составили: 39,5 тыс. ящиков, 0,9 тыс. ящиков, 1,1 тыс. т⁸.

Рассматривая состояние сельскохозяйственного производства на островах Кука, новозеландский ученый К. Кимберленд пишет: «Большинство европейских плантаций перестали производить продукцию. И даже высокие послевоенные цены не смогли внести оживление. Из-за нехватки транспортных средств тысячи ящиков с фруктами и овощами остались гнить. В последние годы главными статьями экспорта стала копра с северных островов и жемчужные раковины, добываемые в лагунах коралловых рифов.

В течение многих лет продовольственные культуры,

особенно в Раротонге, возделывались кое-как, большинство же плодородных земель сейчас представляют собой унылое зрелище обширных зарослей сорняков. Террасное земледелие таро и сопутствующие ирригационные сооружения преданы забвению. Панданус полностью исчез, съеденный вредителями. Многие жилые дома сооружены из негашеной извести или серы. Нет средств, чтобы починить прохудившиеся крыши из листового железа. Многие жители Раротонги вернулись к традиционному типу жилищ... с крышей из пальмовых листьев. Но так как панданус практически исчез, то для кровли стали использовать листья кокосовых пальм, что привело к уничтожению их кроны. И утрата пальмами листьев, и ущерб, причиняемый грызунами зеленым кокосовым орехам, и нехватка новых насаждений — все это привело к тому, что даже местные потребности в кокосовых орехах не удовлетворяются. За исключением Аитуитаки, копра больше не экспортируется в значительных размерах из Южной группы островов. Батат и хлебное дерево встречаются теперь крайне редко. Плодородная земля защищенных от ветра долин, где раньше выращивались бананы, лежит неиспользованной уже много лет, представляя собой сплошные заросли кустарников. Предав забвению свои сады, жители островов Кука стали искать заработки на стороне. Многие отправились в Аваруа, причем не только жители деревень Раротонги, но и других островов. Одни находят работу на пристанях, другие — на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, третьи — на недавно организованных небольших мануфактурах, где производятся комнатные туфли и вязаные изделия для новозеландского рынка. Свыше 2000 островитян отправились в Окленд, где нашли работу на быстро растущих промышленных предприятиях. Более того, из-за забвения местных традиционных продовольственных культур (кумары, произрастающей на коралловых песчаных почвах, таро — на осушенных землях болот, кокосовых орехов — вокруг прибрежных рифов островов, бананов и хлебного дерева, а также вследствие сокращения экспортной торговли пострадали не только жилища, но также питание и здоровье аборигенов»⁹. Положение в области сельскохозяйственного производства, по существу, не изменилось и в начале второй половины 60-х годов. Так, в 1967 г. с островов Кука было

вывезено лишь 61,3 тыс. ящиков цитрусовых, 32,7 тыс. ящиков помидоров, 1,1 тыс. т копры¹⁰.

Что касается животноводства, то оно так и не возникло на архипелаге. В справочнике о Тихоокеанских островах за 1972 г. по этому поводу говорится следующее: «Департамент сельского хозяйства не имеет отдела животноводства. Небольшое количество скота разводится на мясо в частных хозяйствах на Раротонге, но практически все мясо импортируется. Молока для местного потребления нет»¹¹.

Промышленность на островах Кука и в наши дни отсутствует. Лишь в начале 60-х годов появились небольшие швейные предприятия да фабрика фруктовых соков.

Очень медленно развивался на островах Кука и транспорт. Межостровная связь в 50-х годах производилась с помощью одного-двух небольших торговых судов. Они осуществляли и перевозку пассажиров, и торговые операции: куплю-продажу копры и ракушек.

В конце 50-х годов власти начали использовать для товаро-пассажирских перевозок кечи (небольшие двухмачтовые корабли), посещавшие острова не чаще одного-трех раз в году. В период штормов, с декабря по март, связь с островами вообще прерывалась.

Связь между островами Кука и Новой Зеландией почти до конца 50-х годов осуществляло небольшое судно «Мауи Помаре». Оно было настолько маломощно, что могло перевозить либо только грузы, либо пассажиров.

Острова Кука время от времени посещали корабли, осуществлявшие морские перевозки между западными портами Северной Америки и Новой Зеландией. Они заходили на острова лишь в том случае, если были недостаточно загружены.

Остановимся на демографических изменениях на островах Кука в первой половине XX в. В этот период наблюдается заметное увеличение населения островов. В 1902 г. оно составляло 8,2 тыс., в 1936 г. — 12,2 тыс., в 1951 г. — 15,1 тыс., в 1961 г. — 18,1 тыс. человек. Наиболее населенным островом оставалась Раротонга. В 1902, 1936, 1951, 1961 гг. на острове проживало соответственно 25,1; 41,3; 40,1; 47,2% общего числа жителей архипелага¹².

Демографическую ситуацию на островах Кука к середине 60-х годов хорошо проиллюстрировали данные переписи 1966 г. Перепись показала значительное снижение

ежегодного общего прироста населения архипелага в первом пятилетии 60-х годов (4,7%) в сравнении с последним пятилетием 50-х (10,2%). Произошло весьма значительное снижение численности населения Северной группы островов. В период 1961—1966 гг. оно снизилось с 2867 до 2389 человек, или на 16,12%. Население Южной группы, за исключением Раротонги, увеличилось незначительно: с 6835 до 6887 человек, или на 0,76%. А население Раротонги возросло на 14,93%¹³.

На отдельных островах архипелага падение численности населения было катастрофическим. Так, на Манихики оно упало с 1006 до 589 человек, или на 41,95%¹⁴.

Для первого пятилетия 60-х годов характерно значительное снижение числа мужчин на островах Кука в возрасте от 15 до 59 лет. Если в предшествующие десять лет процент этой категории оставался практически неизменным, то в период 1961—1966 гг. он снизился на 6,34. Особенно упало число населения на островах Северной группы — почти на одну треть. Численность же мужчин в возрасте от 29 до 39 лет там же сократилась более чем на 60%. В то же время процент лиц в возрасте более 60 лет на островах Северной группы вырос до 8. В Южной же группе он составил 4,8, а на Раротонге — 4,5.

Резкое изменение в количественном и качественном составе населения объяснялось прежде всего тем, что, как указывалось выше, с начала 60-х годов на архипелаге стали создаваться небольшие промышленные предприятия, и возникали они почти исключительно на Раротонге, создавая одностороннюю внутриостровную миграцию населения. В этот же период некоторое развитие получило производство цитрусовых и овощей, и опять-таки именно на Раротонге и других островах Южной группы.

В 1966 г. на островах Кука общее количество занятых в основных отраслях производства составляло 5561 человек, из них на Раротонге работало 3309 человек. В сельскохозяйственном производстве на архипелаге было всего занято 2062 человека, в том числе на Раротонге — 668, на других островах Южной группы — 804, на Северной группе островов — 590 человек. В индустриальной сфере работало 1407 человек, в том числе на Раротонге — 1186, на других островах Южной группы — 201, на Северной группе островов — 20 человек. При этом если брать рабочих с предприятий, на которых использова-

лись машины, то они трудились исключительно на Раротонге. Их всего было 547 человек, в том числе 118 работало на заводе фруктовых соков и 188 — в швейных мастерских. Все работники транспорта, в количестве 182 человека, находились на Раротонге. Там же работала основная масса служащих учреждений: 246 из 286, а также школьных учителей и медиков — соответственно 205 из 386 (на островах Северной группы — лишь 42) и 111 из 177 (на островах Северной группы — лишь 16)¹⁵.

За 1961—1966 гг. произошли существенные изменения в структуре занятости населения островов Кука. Это проявилось прежде всего в том, что число работающих в сельском хозяйстве резко снизилось, в то время как число работающих в промышленности, на транспорте и в административном аппарате значительно увеличилось. Если в сельском хозяйстве в 1961 г. работало мужчин старше 15 лет 3362, то в 1966 г. — 1766, в промышленности, на транспорте и в административных учреждениях — соответственно 148 и 573; 187 и 458; 617 и 764.

Наблюдалась огромная разница в социально-экономических условиях жизни коренного населения на Раротонге, других островах Южной и Северной групп. Это можно видеть из нижеприведенной таблицы.

Таблица 1
СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ОСТРОВАХ КУКА *

Вид занятости	Северная группа островов, %	Южная группа островов, %	Раротонга, %	Всего, %
Мужчины и женщины, занятые на предприятиях с заработком 600 и более ф. ст. в год	8,3	17,3	26,9	21,2
Мужчины, занятые на полностью оплачиваемой работе	15,2	27,7	56,3	42,2
Мужчины, работающие в собственных хозяйствах	48,4	38,7	13,5	25,6
Мужчины, занятые на сельскохозяйственных работах	19,5	34,8	70,2	52,7
Женщины (старше 15 лет), занятые в производстве	38,0	18,3	37,7	31,3

* «New Zealand Geographer», 1972, vol. 28, с. 61.

Но и на Раротонге существуют резкие контрасты между уровнем жизни местных жителей и переселившихся с других островов архипелага. Мигранты селятся главным образом в деревнях вдоль прибрежной дороги в районе Аварау. Данные переписи 1966 г. показали, что там жила почти половина населения Раротонги. Около 41% населения Аварау — пришельцы с других островов Кука. В отдельных деревнях пришлое население достигает 75%.

Деревни этого района отличаются чрезвычайной перенаселенностью, антисанитарными условиями жизни. В большинстве жилищ нет ни электричества, ни воды, отсутствуют кухни и туалеты.

Следующая таблица даст представление о жилом фонде различных островов.

Таблица 2

ТИПЫ ЖИЛИЩ НА ОСТРОВАХ КУКА *

Виды жилищ	Северная группа островов, %	Южная группа островов, %	Раротонга, %	Всего, %
С электричеством	1,1	8,3	45,1	25,0
С радио	29,4	39,4	70,3	52,7
С туалетами	37,7	89,3	72,5	73,6
Те, в которых пища готовится прямо на огне	33,3	33,4	21,1	27,8
С внутренним или наружным водопроводом	4,4	2,8	83,2	41,1
С ванной или душем	5,8	3,7	37,1	20,1

* «New Zealand Geographer», 1972, vol. 28, с. 61.

Застой в экономическом развитии островов Кука приводил к значительному числу безработных.

По данным переписи 1966 г., их насчитывалось 566 человек. При этом надо иметь в виду, что в первой половине 60-х годов значительно выросла эмиграция коренного населения за границу, в основном в Новую Зеландию. Если в 1956—1961 гг. архипелаг покинуло 3333 человека, то в 1961—1966 гг. — 5133 (80% из них эмигрировало в Новую Зеландию). Число уехавших в 1961—1966 гг. превысило число приехавших на 3 тыс. человек, тогда как в 1956—1961 гг. эта разница составила 1812 человек¹⁶.

Чтобы лучше представить себе повседневную жизнь на архипелаге Кука, возьмем для более подробного рассмотрения два острова: из Южной группы — Аитуитаки и из Северной группы — Пукапука.

Аитуитаки — второй по размерам территории и численности населения остров архипелага Кука. Основное богатство его жителей — земля. Потому так стойко и последовательно в течение всего колониального периода островитяне противостояли всем попыткам отобрать у них землю. К середине 60-х годов XX в. в руках колониальных властей и христианской церкви находилось не более 4% земельной площади острова. Все остальное находится в собственности аборигенов. На Аитуитаки, как и на других островах Кука, жители имеют лишь незначительные индивидуальные участки. Почти вся земля представляет собой собственность родов. Внутри каждого рода она делится на участки, которыми наделяются входящие в него семьи.

Главной товарной продукцией островитян является копра. Выращиваются на продажу апельсины и арроруты, а для собственных нужд — хлебное дерево, таро, сладкий картофель, помидоры, бананы, манго. Значительная доля в рационе островитян приходится на рыбу, которую ловят в лагуне или в открытом море. Питьевая вода берется из ручьев, собирается также дождевая. Широко распространено приготовление пива из апельсинов. Традиционным напитком является кава.

Хотя островитянам приходится много работать на своем участке и дома, они очень любят коллективные формы труда. При этом главной движущей силой является не столько стремление заработать, сколько желание помочь тому, кто в этом нуждается.

Эрнст Биглхол, в течение многих лет исследовавший жизнь коренного населения островов Кука, приводил в этой связи пример, относящийся уже к концу 40-х годов. Представитель одной коммерческой компании предложил женщинам Аитуитаки сделать 100 матов размером 3×1 м² для учреждений и гостиниц и спросил о возможной цене одного такого мата. Женщины ответили, что приблизительно он будет стоить 3—4 ф. ст., но и по этой цене они отказываются их делать. Позднее маты были

сделаны на Фиджи по 7 шиллингов за штуку. Рассказывавшие Э. Биглхолу об этой истории заметили, что если бы представитель компании просто сказал, что находится в затруднительном положении и может опозориться, не выполнив поручение, то «те же самые женщины сделали бы ему маты быстро и, если надо, бесплатно»¹⁷.

Объединяясь в группы, островитяне выполняют работы как общественного, так и частного характера. Так, они совместно производят ремонт школы. Полученные деньги передаются в общественный фонд. В то же время любой из жителей деревни может на проводимом еженедельно, по воскресеньям, собрании обратиться с просьбой об оказании помощи в обработке его участка. Там же договариваются, кто и когда выполнит эту работу. Обычно одно утро в неделю выделяется на коллективные работы. Участок примерно в 400 кв. м обрабатывается 50 мужчинами за два часа. Владелец такого участка платит за эту работу 12 шиллингов, если он является государственным служащим (например, школьным учителем), и 8 шиллингов, если не имеет постоянного жалованья¹⁸. Все полученные деньги также передаются в общественный фонд.

Женщины, в свою очередь, организуют группы для уборки и других домашних работ. Женские комитеты следят за чистотой и порядком в деревне.

Жители Аитуйтаки живут в семи деревнях. В каждой деревне от 200 до 450 жителей. Дома имеют известковые стены и полы, крыши — по большей части из пальмовых листьев. На острове множество полуразрушенных, лишенных крыш домов, брошенных жителями. Это следы тайфунов. На острове очень мало домов европейского типа: деревянных, на цементном фундаменте. В них живут только те, кто находится на правительственной службе.

Часто люди не могут приобрести оконных стекол. Тогда они используют деревянные ставни, чтобы закрывать окна при сильном ветре.

Дома островитян содержатся в чистоте, имеют минимум мебели: стол, пару стульев и кровать с матрасом. На кроватях спят редко, предпочитают класть матрасы прямо на пол. Как правило, в каждом доме есть швейная машинка — предмет гордости хозяйки. Почти всю одежду шьют дома.

Кухни ставят отдельно от жилого дома. Они представляют собой маленькое, низкое строение, в одной стороне которого разводится огонь, а в другой хранятся провизия: ящики и корзины с кокосовыми орехами, бананами, таро и т. п. Едят либо в самой кухне, либо на траве около нее.

Мужчины и женщины во время работы обычно одеты в пареу — разновидность малайского саронга (кусок пестрой ткани, обернутой вокруг бедер). Для отдыха у них есть более нарядная одежда.

Семьи на Аитуитаки большие, гораздо многочисленнее, чем на других полинезийских островах: в среднем 10 человек, в то время как обычная для Полинезии семья состоит из 6—8 человек. Одна семья объединяет два-три поколения: отец и мать, их дети и внуки. Раньше, как правило, сын приводил жену в родительский дом. Но в последнее время семьи стали делиться. Молодожены стремятся жить отдельно от родителей, своим домом. Сократившаяся семья стала называться *памили* (от искаженного английского *family* — семья). Традиционная же семья, включающая в себя два-три поколения, называется *копи тангата*.

В прежние времена вожди имели от трех до десяти жен, соответственно своему рангу, имущественному и занимаемому положению. Сейчас же на острове существуют только моногамные семьи.

Семья — основная ячейка общества. Несколько семей составляют род, а роды, в свою очередь, объединяются в племена, или *ваку*, возглавляемые верховными вождями (*арики*). Племя обычно носит имя своего первого легендарного вождя.

На Аитуитаки — четыре основные племенные группы. Легенда говорит, что людей на остров привел верховный вождь по имени Те Тупу о Ронго. Пришельцы расселились так: три первых сына вождя от трех первых жен стали вождями в трех районах острова, а в четвертом — вождь с Раротонги, женившийся на старшей дочери Те Тупу о Ронго. Современные вожди племен ведут свою родословную от Те Тупу о Ронго и его сыновей.

Власть вождей с приходом христианских миссионеров становится все менее прочной. С установлением новозеландскими властями на Аитуитаки, как и на всем архипелаге, местного управления вожди окончательно утра-

тили свое политическое значение. Главную роль в деревне теперь играют члены островного совета. Именно они, а не арики председательствуют на еженедельных деревенских собраниях. «Действительная власть. — пишет Э. Биглхол, — перешла к лидерам, которые сейчас избираются, а в прежние времена назначались далекой новозеландской администрацией»¹⁹.

Совет Антунтаки состоит из представителей всех семи деревень острова, избираемых на деревенских собраниях жителями в возрасте от 18 лет. Председателем совета является резидент-агент. Функции островного совета весьма ограничены и сводятся к роли совещательного органа при всесильном представительстве колониальной администрации. Но тем не менее эти наделенные широкой властью администраторы в течение полувека не смогли, в сущности, изменить традиционного уклада жизни островитян.

«Хотя кое-кто из жителей Антунтаки хотел бы сегодня работать в сфере западноевропейской соревновательной денежной экономики, а некоторые и сейчас время от времени зарабатывают неплохие деньги, работая, например, в аэропорту острова. Большинство руководствуется все же в жизни мотивами и образцами «социального контроля, полностью унаследовавшего традиции доевропейского полинезийского общества»²⁰.

Атолл Пукапука находится на расстоянии 1,2 тыс. км к северо-западу от Работонги и в 630 км к северо-востоку от Самоа. Пукапука и в прошлом, и сейчас редко посещается кораблями. Это объясняется как отсутствием какого-либо экономического значения острова, так и окружающими его опасными рифами, препятствующими свободному заходу судов.

Вследствие этого жители Пукапука очень мало общаются с европейцами. Даже священники и чиновники здесь, как правило, островитяне. Голландский пастор, представляющий римско-католическую церковь, был единственным европейцем, постоянно жившим на острове с середины 50-х до середины 60-х годов.

Жители Пукапука очень редко покидают остров. Из 800 человек, населявших его в 1964 г., лишь пять побывали в Новой Зеландии. Единственное место во внешнем мире, куда островитяне ездят, — это Работонга.

Пукапука состоит из трех небольших островков. Все

население постоянно живет на одном из них — Вале, сохраняя два других как резерв. Почва Пукапука — коралловый песок и галька — мало пригодна для сельскохозяйственных нужд. Здесь растет лишь кокосовая пальма да выращиваются таро и бананы.

Атолл находится в зоне действия тайфунов. За последние 60 лет он дважды подвергался опустошению. Ураганные ветры ломали пальмы, соленая океанская вода заливала ямы, где хранилось таро, оставляя островитян без продовольствия.

В лагуне мало рыбы и перламутровых раковин, что типично для атоллов Северной группы. Поэтому единственным товарным продуктом является копра. Но поскольку кокосовые орехи составляют значительную долю в ежедневном рационе питания жителей, то это значительно сокращает и без того крайне ограниченные торговые возможности острова.

В 1950 г. жители Пукапука, собрав деньги, выкупили у новозеландских властей остров Нассау в свою коллективную собственность. Этот островок, находящийся в 64 км к югу от Пукапука, такой же по своим природным условиям, и поэтому жители Пукапука используют приобретенную землю только для выращивания кокосовых пальм.

Основной экономической ячейкой на Пукапука является деревня, община которой владеет землей. Два резервных островка, Моту Ко и Моту Котава, как и часть самого Вале, называемая Ута, находятся во владении трех деревень: Ято, Нгаке и Рото.

Деревенские власти устанавливают порядок обработки резервных земель, ловли рыбы. Полученные продукты равными долями распределяются между жителями деревни. При этом детская доля меньше, чем взрослая. В качестве наказания за лень в работе или другие проступки доля взрослого может быть сокращена до детских размеров. Вожди получают в знак уважения к их сану дополнительное количество продуктов. Это единственное исключение в твердо соблюдаемом распределении продуктов питания. Деньги, полученные от продажи копры, также делятся поровну между жителями деревни.

На такой же основе происходит использование земельных участков на Нассау. Каждая деревня имеет на острове свои земельные участки. Полученные плоды делят-

ся между ее жителями. Интересно отметить, что люди посылаются на Нассау только на временное жительство. Деревенские власти строго следят за своевременной сменой работающих. Это делается из опасения, чтобы земельные участки не были обращены в индивидуальную собственность поселившихся на них островитян.

Обмен продуктами производится в основном тоже между деревнями, а не отдельными их жителями. Совершается он на натуральной основе, без денег.

Единственными людьми на острове, имеющими «капиталы», являются шесть владельцев небольших магазинов. Наиболее состоятельный из них имеет годовой доход в размере 300 ф. ст.²¹. Но и эти «капиталисты» стараются ничем не отличаться от остальных, сохраняя обычный, местный жизненный стандарт. Вообще у островитян не принято демонстрировать свое материальное преимущество ни в одежде, ни в еде, ни в устройстве жилищ. Несколько правительственных служащих на острове — полицейские, учителя, работники радиостанции — ведут тот же образ жизни: регулярно рыбачат, а их жены работают на плантациях таро.

Деревни владеют большими земельными площадями. Часть земли, включая плантации кокосовых пальм и таро, находится в индивидуальной собственности и передается по наследству. Любопытно отметить, что если плантации таро наследуются по материнской линии, то земли, на которых растут кокосовые пальмы, — по отцовской²².

Индивидуально производится и продается некоторое количество копры. Рыболовство, выращивание таро, строительство домов и каноэ — все эти работы выполняются, как правило, индивидуально или небольшими группами. Однако иногда и эти работы ведутся коллективно.

Как и на других островах Кука, на Пукапука наиболее сильное и грубое внешнее вторжение во внутренний уклад жизни островитян осуществляли миссионеры.

Появились они на Пукапука значительно позднее, чем на других островах Кука, — в 1857 г. и в течение нескольких лет уничтожили традиционную религию островитян. «Мало что известно о раннем периоде деятельности христианских миссионеров, — пишет современный ученый И. Бекетт, — но к концу XIX столетия они создали на Пукапука теократическое правление по раротонгской модели... Миссия распространила свое признание на вождей,

которые, в свою очередь, стали ее мирской рукой... с помощью которой миссия управляла островом»²³.

Аннексировав в начале нынешнего века острова Кука, Новая Зеландия совершенно не интересовалась Пукапука до первой мировой войны. В период 1914—1925 гг. на остров периодически, правда на очень короткий срок, наезжали резидент-агенты. Фактическая же власть находилась у местного жителя по имени Ура, являвшегося как бы исполняющим обязанности резидент-агента. После 1925 г. новозеландские власти стали регулярно посылать резидент-агентов на Пукапука. Но все они были полинезийского происхождения. В их руках сосредоточивалась вся политическая и экономическая власть. Резидент-агент следил за поддержанием порядка, ведал финансовыми вопросами, а также здравоохранением и образованием, назначал общественные работы и т. п. При нем находился совет, состоявший из верховного вождя (арики воло) и двух советников от каждой из трех деревень, назначавшихся резидент-агентом.

Несмотря на широкие полномочия, резидент-агенты не смогли изменить традиционную жизнь островитян. Многие пытались изменить порядок землевладения и землепользования, распределения и продажи сельскохозяйственных продуктов и даже отношений между полями. Так, один из резидент-агентов в середине 40-х годов пытался осуществлять введенное еще в период миссионерского правления правило, по которому молодые люди должны возвращаться домой до десяти часов вечера. Полицейские должны были строго следить за его выполнением.

Подобные действия администрации вызывали открытое сопротивление населения острова. Полицейские из местных жителей в наказание переводились деревенскими властями на детские нормы при разделе урожая, а если они продолжали не выполнять предписание колониального начальства, то подвергались более серьезным наказаниям: их дома и каноэ сжигались. В конце концов дело кончилось тем, что новозеландское правительство вынуждено было отзывать столь ретивых администраторов. И. Бскетт, изучавший в 1965 г. в течение нескольких месяцев жизнь островитян, пишет: «Деревни продолжают оставаться ключевым звеном в структуре управления. Они сохранили определенные традиционные функции и приобрели новые, особенно заметные в области производ-

ства копры, церковной организации и местного управления. Надежная экономическая основа деревни и существование экономических санкций, которые могут быть применены против каждого, нарушившего дисциплину, обеспечивают продолжающееся успешное выполнение деревней функции политического и экономического союза. Попытки урезать права и функции деревни встречают решительное сопротивление»²⁴.

Верховный вождь, как и другие вожди, давно уже не играет никакой политической роли, она перешла к членам островного совета.

Островной совет юридически имеет незначительные функции, не ограничивающие власть резидент-агента. Но назначаемые им совстники, с 1947 г. избираемые населением, как правило, принадлежат к деревенской верхушке, т. е. к тем людям, которые управляют всем строем жизни в своих деревнях. И резидент-агенту приходится считаться с их мнением в ведении местных дел.

Советники переизбираются очень редко. Например, до 1964 г. был лишь один случай переизбрания советника, остальные пять удерживались на своих должностях от 14 до 33 лет²⁵.

В 1958 г. на островах Кука проводились первые выборы в Законодательное собрание. Жители Пукапука избрали депутатом человека, прожившего 19 лет на Раротонге и пять лет в Новой Зеландии. На последующих выборах избирались депутаты, также прожившие большую часть жизни на Раротонге. Вообще жители Пукапука очень мало интересуются событиями, происходящими вне острова. Немногие островитяне приходят послушать доклады депутатов Законодательного собрания о прошедшей сессии. Зато собрания, где обсуждаются местные дела, всегда многолюдны.

Внешняя жизнь вторгается, конечно, на маленький тихоокеанский атолл, оставляя свидетельства цивилизации в виде школы, радиостанции, больницы, магазина, прививая островитянам уважение к денежным знакам. Но она еще не нарушила патриархальности их повседневной жизни.

ШАГ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Критика новозеландской политики в отношении зависимых территорий, постоянно раздававшаяся в ООН и ее специализированных органах, заставила Новую Зеландию с начала 60-х годов проводить более гибкую политику в отношении островов Кука.

В 1962 г. было создано некое подобие правительства островов в виде Исполнительного совета, избираемого Законодательным собранием. В функции Совета входила подготовка предложений для последующего их рассмотрения в Законодательном собрании. В Совете, так же как и в Собрании, всеми делами заправляли высшие чины новозеландской колониальной администрации. Его председателем являлся резидент-комиссар.

На пятой сессии Законодательного собрания в июле 1962 г. был наконец рассмотрен вопрос о политическом будущем островов Кука. Изучались три альтернативы: получение независимости, интеграция с Новой Зеландией, создание Полинезийской федерации. Все они были отвергнуты. Зная состав Собрания и общую обстановку на территории, этот исход можно было легко предвидеть.

После того как при содействии же новозеландской администрации вопрос о будущем политическом статусе островов оказался неразрешенным, правительство Новой Зеландии проявило «благородство» и послало на острова Кука «миссию экспертов по конституционным вопросам», чтобы помочь «неопытным» островитянам решить свою судьбу.

В ноябре 1963 г. миссия представила свои соображения Законодательному собранию, которое их одобрило, а правительство Новой Зеландии утвердило и передало на рассмотрение парламента проект Конституционного акта островов Кука.

Новозеландский парламент в ноябре 1964 г. принял этот Акт. В нем объявлялось, что острова Кука станут

самоуправляющимися. Британская королева, являющаяся также королевой Новой Зеландии, «станет главой государства островов Кука»¹. На островах «ее, как и правительство Новой Зеландии, будет представлять верховный комиссар»².

Создавались следующие высшие исполнительные и законодательные органы островов Кука. Палата верховных вождей (арики), в состав которой входили по одному представителю от Антуитики и Мануае, от Атиу, от Мангаиа, от Манихики и Раротонги (но предусматривалась возможность иметь отдельных представителей от каждого острова), от Нассау и Пукапука и по одному от островов Мауке, Митиаро и Пенрин. Все члены Палаты назначались верховным комиссаром. К компетенции Палаты было отнесено обсуждение «мероприятий, направленных на обеспечение благополучия народа островов Кука с тем, чтобы в дальнейшем представить их на рассмотрение Законодательной ассамблеи, а также высказать ему свое мнение и рекомендации по этому вопросу»³. Палата должна собираться резидент-комиссаром не менее раза в год⁴.

Кабинет министров, состоящий из премьер-министра и трех-пяти министров. Весь состав кабинета назначался верховным комиссаром из числа членов Законодательной ассамблеи. Все решения кабинета заносятся в протокол, который в течение 48 часов должен передаваться на утверждение верховного комиссара.

Исполнительный совет состоит из верховного комиссара (председатель) и членов кабинета министров. Совет созывается верховным комиссаром для рассмотрения протоколов заседания кабинета министров.

Протоколы утверждаются только в том случае, если у верховного комиссара не возникает возражений против какого-либо решения, записанного в нем. В противном случае протокол возвращается кабинету на пересмотр⁵.

Законодательная ассамблея островов Кука состоит из 22 членов, избираемых на три года тайным голосованием: в следующем соотношении: от Антуитики и Мануае — три, от Мангаиа и Атиу — по два, от Манихики, Мауке, Митиаро, Пенрин — по одному, от Раротонги и Палмерстана — девять, от Пукалука и Нассау — один, от Ракаханги — один. Все акты, принятые Законодательной ассамб-

леей, должны быть утверждены верховным комиссаром. Состав Высшего суда островов Кука также назначается верховным комиссаром.

Даже беглый взгляд на новую конституцию показывает, что, несмотря на известное расширение представительства коренных жителей в исполнительных и законодательных органах, Новая Зеландия продолжала фактически держать в своих руках управление островами Кука.

Когда вопрос об островах Кука рассматривался в ООН, представители СССР и Польши отметили, что проводимые новозеландскими властями меры не обеспечивают действительного самоуправления островов. Специальный комитет ООН по проверке выполнения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам подтвердил право народа островов Кука, несмотря на малочисленность и экономическую отсталость, на независимость и призвал к проведению срочных мер экономической помощи.

Несмотря на это, XIX сессия Генеральной Ассамблеи одобрила действия Новой Зеландии и выделила группу своих наблюдателей за проведением выборов в Законодательную ассамблею островов Кука.

Советская делегация выступила против этого решения. «Вопрос о будущем статусе островов Кука, — сказал представитель Советского Союза, — относится к числу таких принципиальных вопросов, решения по которым должны приниматься в результате тщательного обсуждения положения на островах в Генеральной Ассамблее с участием представителей коренного населения и разработки таких условий, которые обеспечивали бы действительное волеизъявление населения островов Кука. Поэтому было бы неправильно автоматически принимать решение о посылке наблюдателей ООН на острова Кука без подробного обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее. Подобный подход, — предупреждал советский представитель, — может создать недопустимый для решения колониальных вопросов прецедент».

В начале апреля 1965 г. миссия ООН прибыла на острова Кука, а 20 апреля состоялись выборы в Законодательную ассамблею.

Впервые в истории островов Кука в выборах участвовали местные политические партии. Они были созданы

незадолго до выборов. Первой возникла Партия островов Кука (июнь 1964 г.), второй — Лейбористская партия (ноябрь 1964 г.), третьей — Объединенная партия (март 1965 г.). Более или менее определенной была политическая линия Партии островов Кука. Ее руководитель Альберт Генри откровенно выступил за сохранение тесных уз с Новой Зеландией. Политика остальных партий практически была примерно такой же, но лидеры их выражались менее определенно.

А. Генри наиболее энергично провел предвыборную кампанию. Кандидаты его партии были выдвинуты во всех избирательных округах, за них велась интенсивная агитация. Результаты не замедлили сказаться. Партия островов Кука получила 14 из 22 мест в Законодательной ассамблее. Но ее глава остался вне стен собрания, ибо избирательный закон предусматривал обязательное постоянное проживание на островах в течение не менее трех лет. Альберт Генри хоть и родился на островах Кука, но большую часть жизни провел в Новой Зеландии. Лишь в конце 1964 г. он переехал на острова.

Еще в период избирательной кампании члены Партии островов Кука заявляли, что в случае победы на выборах они немедленно потребуют отмены этого ценза оседлости. И действительно, когда 10 мая 1965 г. открылась первая сессия Законодательной ассамблеи, представители партии внесли поправку к закону о конституции, предусматривавшую снижение ценза оседлости до трех месяцев. Новозеландское правительство приняло эту поправку. На дополнительных выборах лидер Партии островов Кука А. Генри был избран в члены Законодательной ассамблеи.

Ассамблея вновь собралась 26 июля 1965 г. и одобрила закон о конституции островов, предусматривающий предоставление самоуправления с сохранением объединения островов с Новой Зеландией. Официально закон вошел в силу 4 августа 1965 г. Был сформирован кабинет министров во главе с А. Генри, который одновременно выполнял функции министров: иностранных дел, торговли, финансов, судоходства, экономического развития, труда, туризма, иммиграции и эмиграции.

Сестра А. Генри Маргарет Стори была назначена новозеландским верховным комиссаром спикером Законодательной ассамблеи. Она не была депутатом, но это не

смutilo верховного комиссара: он просто одновременно назначил ее членом Совета.

Официальная церемония провозглашения самоуправления островов Кука состоялась 10 сентября 1965 г. и была обставлена очень пышно. На острова прибыли британский генерал-губернатор Новой Зеландии Б. Фергюссон, новозеландский премьер-министр К. Холиок. Последний произнес речь, в которой, между прочим, сообщал, что Новая Зеландия презентует островам Кука кресло для спикера и стол для Законодательной ассамблеи, а также два кресла тикового дерева для высокопоставленных гостей ассамблеи.

Вскоре после этого А. Генри вылетел в Нью-Йорк для представления доклада в Специальный комитет ООН по проверке выполнения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Положение на островах Кука обсуждалось на XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре — декабре 1965 г. Колониальные державы и блокирующиеся с ними страны «курили фимиам» колониальной политике Новой Зеландии. В проект резолюции по этому вопросу были включены самые лестные оценки деятельности новозеландского правительства на подопечных территориях. В одном из пунктов было записано, что поскольку острова Кука достигли полного внутреннего самоуправления, то нет больше необходимости в дальнейшей передаче информации о них в ООН.

Советская делегация резко возражала против этого пункта резолюции, доказывая, что острова Кука не получили реальной независимости и положение их народа должно находиться под внимательным наблюдением Организации Объединенных Наций. Позиция советской делегации была поддержана представителями социалистических стран и ряда афро-азиатских государств.

При голосовании 6 декабря 1965 г. проект резолюции об островах Кука был принят большинством голосов. Поскольку в пункте пятом резолюции говорилось о том, что Генеральная Ассамблея подтверждает, что на ООН лежит ответственность за оказание в будущем содействия населению островов Кука в достижении ими полной независимости, если они того пожелают, советская делегация сочла возможным не голосовать против резолюции, а воздержаться от голосования.

В мае 1968 г. состоялись новые выборы в Законодательную ассамблею, на которых опять победила Партия островов Кука, получив 16 из 22 мест. Шесть мест досталось оппозиционной Объединенной партии островов Кука. Партия А. Генри собрала на двух самых населенных островах подавляющее большинство голосов: на Раротонге — 70% и на Аитунтаки — 85%. В целом по стране она получила 65% голосов избирателей⁶.

За полгода до третьих выборов в Законодательное собрание, в декабре 1971 г., на островах Кука Томом Дэвисом, врачом из Раротонги, была создана новая политическая организация — Демократическая партия, ставшая в оппозицию к Партии островов Кука.

На выборах в Законодательную ассамблею в апреле 1972 г. Партия островов Кука опять победила, но уже с несколько меньшим успехом. Она получила 15 мандатов, семь — оказались у Демократической партии. Впервые оппозиционной партии удалось провести своего члена в Законодательную ассамблею от одного из округов на Раротонге. Им стал лидер партии Т. Дэвис. В целом по стране Партия островов Кука собрала значительно меньше голосов, чем на предыдущих выборах: менее 54,5%⁷. Это объяснялось известным разочарованием населения политикой, проводимой А. Генри.

А. Генри в период предвыборной борьбы повторял буквально все то, что говорил и в 1965, и в 1968 гг., и обещал улучшить экономическое, социальное и культурное положение страны. А оно оставалось неизменным.

В декабре 1975 г. по настоянию А. Генри были проведены внеочередные выборы. Глава Партии островов Кука хотел добиться значительного увеличения числа мест в Законодательной ассамблее. Но выборы показали дальнейшее сокращение голосов, поданных за правящую партию. Она получила лишь 51% голосов избирателей.

* * *

В течение десятилетия, последовавшего за предоставлением самоуправления, экономика островов Кука фактически не изменилась. Наблюдается систематический рост цен. Так, овощи и фрукты подорожали в 1967—1970 гг. на 30%. Значительная часть населения не имеет возможности покупать овощи и фрукты, т. е. основные продукты питания островитян. Обследования, проведен-

ные в 1970 г. на островах Кука, показали, что до 80% детей дошкольного возраста недоедают. Последние годы существенно сократились площади, на которых возделывались основные сельскохозяйственные культуры⁸. Естественно, что стоимость импорта продуктов питания все время растет. Если в 1968 г. их было куплено на 0,9 млн. долл., то в 1970 г. — на 1,4 млн. долл. Экономическая жизнь островов зависит от новозеландских субсидий, которые покрывают около 70% бюджетных расходов островов⁹. При этом размер субсидий постоянно растет. Если в 1964/65 г. он равнялся 1,6 млн. долл., то в 1970/71 г. — около 3 млн. долл.¹⁰ Внешняя торговля островов находится полностью в руках Новой Зеландии. На нее приходится почти 100% экспорта островов и 75% импорта. В 1970 г. из общей суммы экспорта в 2,7 млн. долл. на Новую Зеландию приходилось 2,6 млн. долл., по импорту из 3,8 млн. долл. на Новую Зеландию приходилось 3,4 млн. долл.

Планы дальнейшего экономического развития островов Кука связываются с аэропортом на Раротонге, вступившим в строй в 1973 г., и с развитием туризма. Полагают, что с созданием аэропорта для приема реактивных самолетов число туристов на островах значительно возрастет.

Работы по строительству аэропорта велись с июня 1970 г. И здесь все находилось в руках новозеландцев. В качестве компенсации за постройку аэропорта Новая Зеландия получила право абсолютного контроля над воздушным транспортом островов на 21 год.

Внутриостровные миграционные процессы шли по тем же направлениям, что и в первой половине 60-х годов. Население Северной группы островов продолжало уменьшаться. За период 1966—1971 гг. оно снизилось по всей группе почти на 1,5%, а на Минихики, например, — на 22,6%. Население же Южной группы островов, особенно Раротонги, увеличивалось. За то же время по всей группе оно возросло на 8,7%, а на Раротонге — на 14,2%¹¹. В целом же население островов Кука в 1966—1971 гг. увеличивалось значительно быстрее, чем в предшествующее пятилетие. Ежегодный прирост его составил 10,7%. В 1971 г. острова населяло 21,3 тыс. человек. Население Раротонги составило 11,4 тыс. человек, или 53,4% всего населения страны¹².

Продолжала расти эмиграция с островов Кука. Превышение числа выезжающих из страны над числом приезжающих с каждым годом увеличивалось. Если в 1961 г. разница составляла 382 человека, а в 1966 г. — 550, то в 1973 г. — 684 человека¹³. Соответственно увеличивалась численность коренных жителей островов Кука, работающих в Новой Зеландии. Если в 1961 г. она составила 4,5 тыс., а в 1966 г. — 8,7 тыс., то в 1971 г. — 11,5 тыс. человек. Эмиграция вела к систематическому снижению числа молодежи. В 1966—1971 гг. процент мужчин в возрасте от 15 до 34 лет ко всему населению островов уменьшился с 13,6 до 13,5, а на островах Северной группы — с 9,8 до 9,3. Лишь на Раротонге наблюдалось некоторое его увеличение — с 15 до 16,3¹⁴.

Причины всех этих демографических изменений оставались прежними. В их основе была громадная разница в сохраняющихся социально-экономических условиях между Северной группой и Раротонгой и другими островами Южной группы. Но и Раротонга не могла обеспечить работой всех приезжающих с других островов и становилась своего рода трамплином для дальнейшей эмиграции за пределы архипелага.

* * *

Прошло двенадцать лет после предоставления островам Кука самоуправления. Но, как это было очевидно с самого начала, новозеландское правительство не намеревалось менять свое традиционное отношение к этой территории. Как мы видели, за эти годы, в сущности, ничего не изменилось. Представитель островов Кука на X Южнотихоокеанской конференции министр здравоохранения Джозеф Вильямс, характеризуя современное положение территории, сказал, что острова Кука страдают от трех основных несчастий. Во-первых, от нищеты, проявляющейся в мизерном размере ежегодного дохода на душу населения, низком уровне экономического развития и плохих путях сообщения. Во-вторых, от подавляющей неграмотности, отсутствия местных квалифицированных кадров, необходимых для современного промышленного развития. В-третьих, от массовых заболеваний, плохого медицинского и санитарного обслуживания. «Развивать необходимо в первую очередь не иностранный туризм, —

говорил Дж. Вильямс, — а промышленность и сельское хозяйство, образование и медицинское обслуживание»¹⁵.

Острова Кука первыми в Океании получили статус самоуправляющейся территории. Но затем их политическое развитие очень замедлилось. Они оказались позади целого ряда океанийских стран.

Опыт национально-освободительной борьбы везде, и в частности в Океании, убедительно показывает, что эффективное развитие народа начинается лишь после его политического освобождения.

Много было споров о возможности существования в современном мире небольших государственных организмов, особенно если они расположены вдалеке от остальных стран. Существование уже многих островных государств в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах положило конец такого рода диспутам. Для народа островов Кука нет иного пути, кроме достижения полной независимости. Обстановка на Тихом океане благоприятствует этому.

70-е годы принесли в океанийский мир большие перемены. Сейчас в Океании уже пять независимых государств: Западное Самоа, Науру, Тонга, Фиджи, Папуа Новая Гвинея. К независимости идет еще ряд океанийских стран. Практически на всех островах Океании созданы различные формы местной законодательной и исполнительной власти. Борьба за освобождение приобретает все более зрелые формы. Колониальная система и здесь неумолимо идет к своему концу.

Внутренняя жизнь народов Океании значительно ускорила темп. На Тихоокеанских островах развивается экономика, растет собственный рабочий класс, интеллигенция, создаются политические партии и профсоюзы. Веками изолированные друг от друга океанические народы ощутили необходимость объединения, чтобы выстоять и сохранить свою самобытность, в то же время преодолеть отсталость и пользоваться плодами научно-технического прогресса.

С этой целью океанические страны используют созданные государствами-метрополиями после второй мировой войны Южнотихоокеанскую комиссию и Южнотихоокеанскую конференцию, а также создают новые международные объединения. Так, в 1965 г. в столице Западного Самоа — Аппа руководители Фиджи, Тонга и Западно-

го Самоа основали Тихоокеанскую производственную ассоциацию, первоначальной целью которой явилось лишь согласование политики стран-участниц в экспорте бананов. Но с тех пор и состав участников, и функции Ассоциации существенно расширились.

Развитие экономического сотрудничества освободившихся стран Океании содержит в перспективе такие важные формы региональной интеграции, как взаимная торговля, объединение в инфраструктуре, создание общих предприятий по обработке сельскохозяйственной продукции.

В начале 70-х годов была образована политическая организация независимых и самоуправляющихся государств Океании, названная Южнотихоокеанским форумом, куда вошли и острова Кука.

Хочется пожелать народу этого далекого Тихоокеанского архипелага скорее сделать следующий, решающий шаг — к независимости и свободе.

Джемс Кук открывает архипелаг

- ¹ Э. Маклин. Капитан Кук. М., 1976.
- ² Площадка на мачте для наблюдений и специальных работ с парусами.
- ³ Морская лига $\approx 5,56$ км.
- ⁴ «Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг.». М., 1964, с. 221.
- ⁵ Там же, с. 373—374.
- ⁶ «Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг.». М., 1971, с. 104—105.
- ⁷ Там же, с. 108.
- ⁸ Там же, с. 111.
- ⁹ Там же, с. 109.
- ¹⁰ Цит. по: W. P. Strauss. Americans in Polynesia 1783—1842, East Lansing, 1963, с. 43.
- ¹¹ J. I. Brookes. International Rivalry in the Pacific Islands 1800—1875. Los Angeles, 1941, с. 17.
- ¹² Там же, с. 18.
- ¹³ О. Е. Коцебу. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1959, с. 88.
- ¹⁴ Там же, с. 95.
- ¹⁵ Там же, с. 92.
- ¹⁶ Там же, с. 93.
- ¹⁷ W. P. Morrell. Britain in the Pacific Islands. Oxford, 1960, с. 43.
- ¹⁸ О. Е. Коцебу. Новое путешествие..., с. 92.
- ¹⁹ J. I. Brookes. International Rivalry..., с. 83.
- ²⁰ «Pacific Islands Monthly», vol. XXXIII, 1962, № 3, с. 44—48.
- ²¹ W. P. Morrell. Britain in the Pacific Islands, с. 77.
- ²² Admiral Dupetit-Thouars to the Queen Pomare and Chiefs of Tahiti, September 8, 1842.—«British and Foreign States Paper», vol. XXXI, 1858, с. 938—940.
- ²³ Queen Pomare and Chiefs of Tahiti to Admiral Dupetit-Thouars, September 9, 1842.—«British and Foreign States Papers», vol. XXXI, 1858, с. 940—941.
- ²⁴ Admiral Dupetit-Thouars to Queen Pomare and Chiefs of Tahiti, September 9, 1842 (Proclamation in the Name of Queen Pomare and Admiral Dupetit-Thouars). — «British and Foreign States Papers», vol. XXXI, 1858, с. 942—945.
- ²⁵ Цит. по: «Correspondence Relating to the Removal of Mr. Pritchard from Taiti». London, 1844, с. 5—6.

²⁶ Earl of Aberdeen to Lord Cowley, September 6, 1844.—«Correspondence Relating to the Removal of Mr. Pritchard from Taiti», с. 3.

²⁷ Lord Cowley to the Earl of Aberdeen, September 12, 1844.—«Correspondence Relating to the Removal of Mr. Pritchard from Taiti», с. 3.

²⁸ C. H. Grattan. *The Southwest Pacific to 1900*. N. Y., 1963, с. 454.

²⁹ E. Beaglehole. *Social Change in the South Pacific*. Aberdeen, 1957, с. 15.

³⁰ Там же, с. 16.

³¹ Там же, с. 30.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 31.

³⁵ Там же, с. 32.

³⁶ Там же, с. 37.

³⁷ W. P. Morrell. *Britain in the Pacific Islands...*, с. 280.

Под властью британской короны

¹ W. Luke. *Islands of the South Pacific*. London, 1962, с. 77—78.

² W. P. Strauss. *Americans in Polynesia 1783—1842*. East Lansing, 1963, с. 85.

³ «German Colonization». London, 1920, с. 25.

⁴ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 375.

⁵ Здесь имеется в виду порт Новой Зеландии.

⁶ E. Beaglehole. *Social Change...*, с. 93.

⁷ A. Ross. *New Zealand Aspirations in the Pacific in the Nineteenth Century*. Oxford, 1964, с. 90.

⁸ Там же

⁹ Там же, с. 108.

¹⁰ Там же, с. 113.

¹¹ J. I. Brookes. *International Rivalry...*, с. 329--330.

¹² «Hansard's Parliamentary Debates». Third Series, vol. 221. London, 1874, с. 182, 183, 185—186.

¹³ «German Colonisation», 1920, с. 75.

¹⁴ A. Ross. *New Zealand Aspirations...*, с. 283.

¹⁵ K. Sinclair. *A History of New Zealand*, с. 197—198.

¹⁶ Там же, с. 287.

¹⁷ Цит. по: W. P. Morrell. *Britain in the Pacific Islands...*, с. 283.

¹⁸ E. Beaglehole. *Social Change...*, с. 102.

¹⁹ Там же, с. 103.

²⁰ Там же, с. 113.

Колония Новой Зеландии

¹ A. Ross. *New Zealand Aspirations in the Pacific in the Nineteenth Century*. Oxford, 1964, с. 262.

² E. Beaglehole. *Social Change...*, с. 121, 122.

³ Цит. по: А. Скотт. Рассказ о событиях в Парихаке. М., 1937, с. 28.

- 268.
- ⁴ A. Ross. *New Zealand Aspirations...*, с. 270.
 - ⁵ E. Beaglehole. *Social Change...*, с. 203—204.
 - ⁶ Там же, с. 205.
 - ⁷ Там же, с. 207.
 - ⁸ «Pacific Islands Year Book». Sydney, 1972, с. 142.
 - ⁹ K. Cumberland. *Southwest Pacific*. Auckland, 1960, с. 267—
 - ¹⁰ «Pacific Islands Year Book». с. 142.
 - ¹¹ Там же, с. 144.
 - ¹² «New Zealand Geographer», 1974, vol. 30, с. 80.
 - ¹³ «New Zealand Geographer», 1972, vol. 28, с. 51, 53.
 - ¹⁴ Там же.
 - ¹⁵ Там же, с. 61.
 - ¹⁶ «New Zealand Geographer», 1972, vol. 28, с. 57—58.
 - ¹⁷ E. Beaglehole. *Social Change...*, с. 150.
 - ¹⁸ Там же, с. 151.
 - ¹⁹ Там же, с. 176.
 - ²⁰ Там же, с. 149.
 - ²¹ Y. Beckett. *Social Change in Pukapuka*.—«The Journal of the Polynesian Society», vol. 73, № 4, Dec. 1964, Wellington, с. 415.
 - ²² Там же, с. 417.
 - ²³ Там же, с. 418—419.
 - ²⁴ Там же, с. 424—425.
 - ²⁵ Там же, с. 422.

Шаг к независимости

- ¹ Cook Islands. *Reprinted Acts*. Wellington, 1967, с. 16.
- ² Там же, с. 17.
- ³ Там же, с. 19.
- ⁴ Там же, с. 20.
- ⁵ Там же, с. 24—25.
- ⁶ «Pacific Islands Monthly», June 1968, с. 24.
- ⁷ «Pacific Islands Monthly», May 1972, с. 22.
- ⁸ «Pacific Islands Monthly», June 1970, с. 72.
- ⁹ «Pacific Viewpoint», May 1970, с. 101.
- ¹⁰ «New Zealand Official Yearbook», 1974, с. 948.
- ¹¹ «New Zealand Geographer», vol. 30, 1974, с. 82.
- ¹² Там же, с. 79, 80, 82.
- ¹³ Там же, с. 78.
- ¹⁴ Там же, с. 81.
- ¹⁵ «Pacific Islands Monthly», October 1970, г. 23.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖЕМС КУК ОТКРЫВАЕТ АРХИПЕЛАГ	3
ПОД ВЛАСТЬЮ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ	21
КОЛОНИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ	41
ШАГ К НЕЗАВИСИМОСТИ	59
ПРИМЕЧАНИЯ	69

Ким Владимирович Малаховский ИСТОРИЯ ОСТРОВОВ КУКА

Редактор *Л. З. Шварц* Младший редактор *Е. Л. Португал*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Т. А. Ласова*.

ИБ № 13301

Сдано в набор 25/XI 1977 г. Подписано к печати 1/VI 1978 г. А 06473. Формат 81×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 2,25. Усл. п. л. 3,78. Уч.-изд. л. 3,76. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4171. Заказ 704. Цена 25 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, ул. Жданова, 12/1.

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгизполикома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.